

РЕЦЕПТ ИДЕАЛЬНОЙ МЕЧТЫ

р о м а н

Самая знаменитая пара,
журналист Дима Полуянов и
библиотекарша Надя
Митрофанова, охотятся
за таинственным
манускриптом.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Спецкор отдела расследований

Анна и Сергей Литвиновы
Рецепт идеальной мечты

«ЭКСМО»

2002

Литвиновы А.

Рецепт идеальной мечты / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2002 — (Спецкор отдела расследований)

В библиотеке произошло похищение века. Исчезло около сотни редких книг и рукописей. Журналист Дима Полуянов, друг сотрудницы «исторички» Нади Митрофановой, явился за сбором «жареных» фактов и предположил, что наводчиком был кто-то из своих, библиотекарей. Вскоре Диму вызвал к себе главный редактор газеты и предложил ему командировку в Америку. Дескать, по сведениям ФСБ, похищенные книги находятся у миллионерши Полы Шevi и с ними работает наш профессор Васин. Полуянов должен взять интервью у Полы и узнать все про книги. Полуянов просит Надю проследить за сотрудницами библиотеки. В результате этой слежки она едва не погибла, а когда убили ее начальницу, Надя, сняв все сбережения, на крыльях страха полетела в Америку навстречу настоящему кошмару...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
НАДЯ МИТРОФАНОВА	7
За сто восемьдесят лет до описываемых событий	11
21 апреля 1822 года	13
Глава 2	15
НАДЯ	15
ДМИТРИЙ ПОЛУЯНОВ	21
Глава 3	24
ДМИТРИЙ ПОЛУЯНОВ	24
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анна и Сергей Литвиновы

Рецепт идеальной мечты

Пролог

Он не заметил, что за ним следят.

Ему и в голову не могло прийти, что за ним кто-то может следить.

Да кто он такой, чтобы за ним следили!

Он вышел из метро «Китай-город» (по-старому «Площадь Ногина»). Вышел на Маросейке, наискосок от Политехнического музея, – из того выхода, где аптека.

Не спеша, по-школьному помахивая портфелем, пошел вниз, вдоль Ильинского сквера, в сторону Солянки.

До историко-архивной библиотеки от метро можно было дойти тремя путями. Он каждый день чередовал их. Однажды он прочитал, что верный способ борьбы со склерозом – выбирать разные пути от работы до дома. Кроме того, во время ходьбы ему часто приходили в голову разные полезные мысли.

Но сегодня солнце светило так не по-зимнему ярко, что ни о какой работе думать не хотелось. Думалось о чем угодно, но не о работе.

«Вот эта блондинка впереди, в дубленочке и длинных сапогах на шпильке – она ничего. Ножки пряменькие, дубленочка коротенькая, и каблочки так деловито выстукивают: цок-цок-цок. Подойти бы к ней и сказать какую-нибудь чушь. Вот только... Какую чушь? Никогда не знакомился с женщинами на улицах. Не пора ли научиться? Ученикам своим говорю: мол, надо все на свете испытать, а сам – ни разу не знакомился с женщинами на улице. Может, нужно переломить себя – да взять и познакомиться?..

А если она вдруг пошлет? Я ж не «новый русский» в кашемировом пальто. Пальтишко так себе. Да еще и прыщи. Как у старшекласника. У ученичка моего, Васьки, такие же прыщи... Нет, у него не *такие же*. У него их больше. У меня все-таки меньше. Надо же, мне тридцать два года – и прыщи. Это от неправильного питания. И от нерегулярной половой жизни. Следовательно, для того чтобы избавиться от прыщей, надобно жениться. Хотя далеко не факт, что, получая жену, ты приобретаешь регулярный секс и правильное питание. С моей бывшей я как-то не распробовал ни того ни другого.

Какое счастье, что она от меня ушла. Даже неохота думать, где она, с кем она. Вычеркнул я ее из своей жизни, и бог с ней. Пусть живет с кем хочет. И где хочет.

А что блондинка?

Так и идет впереди, даже чуть вилять задиком стала. Почувствовала, наверное, мое внимание. Может, в самом деле – познакомиться? Как мои студенты говорят – приколнуться?..

А от прыщей лучше всего лекарство... Как его... Забыл... Я ж только сегодня подслушал в курилке, девчонки с первого курса обсуждали... Надо же, когда подслушал название, казалось, на всю жизнь запомню... Простое такое название... Что-то на «К» или на «З»... «Кра-ззин» какой-то... Или «Крабозин»... А может, и «Карамзин»... И вот что теперь прикажете делать? Прийти в аптеку и спросить: «Дайте мне мазь от прыщей»? Нельзя, будет смех. Все устанутся. Да ведь и мазь дадут не ту.

Вообще это, конечно, хамство: тридцать два года, кандидат исторических наук, без пяти минут доцент – а бог награждает тебя прыщами.

Кто-то из японцев – Акутагава, кажется – писал: все, что с тобой случается, это награда, или наказание, или предостережение, или предвозвестие... А что прыщи? Они наградой быть

не могут. Значит, наказание?... Интересно знать, за что? Может, за робость? Или за мастурбацию?..

Или они, прыщи, – предостережение?..

...А блондинка так и цокает впереди шагах в пятнадцати... Но не оглядывается... Неужели я опять упущу женщину на улице? Сколько я за такими шел-шел – а потом упустил... Как было бы хорошо, если бы приняли закон, чтоб каждый человек на улице – в стиле замятинского «Мы» или «Прекрасного нового мира» Хаксли – носил на себе какие-нибудь плакатики – с описанием самого себя. Или хотя бы нашивки. И сразу по ним можно было бы определить: кто есть кто. Я бы себе одну нашивку повесил, что я – кандидат наук. А другую – что у меня недавно статья в Штатах вышла, о семействе Потоцких, в «American Slavic and East European Review». А третью – что у меня ежемесячный доход более пятисот долларов: зарплата, конечно, ни к черту не годится, но имеются зато три богатеньких ученичка... Вот были бы на мне такие нашивки – любая, глядишь, согласилась бы со мной познакомиться. А когда она знать не знает: кто я, что я, возьмет и окатит меня холодным взглядом. И скажет: «Мужчина! Да что вы себе позволяете!..» И пойдет себе дальше. А ты стой как дурак. И все прохожие вокруг улыбаются – в твой адрес».

Он (и блондинка впереди) дошли по Ильинскому скверу от памятника героям Плевны до Солянки – до того места, где раньше был магазин «Колбасы», а теперь новый магазин – «Русский деликатес». Блондинка вроде бы собралась переходить улицу и стала ждать, когда в потоке машин образуется разрыв. Расстояние между ними сократилось шагов до десяти, а то и семи. Он почувствовал холодок в груди и понял, что сейчас он, наверное, подойдет к ней и что-нибудь ляпнет. И вдруг стало нестерпимо страшно, как в детстве перед прыжком головой вниз с пирса. И тут блондинка сама обернулась к нему. Она и вправду была хорошенькой. Она пристально посмотрела на него. Может, сама хочет познакомиться с ним? Или, наоборот, упрекнуть его и сразу послать куда подальше?

Он все шел и шел на нее, стоявшую на месте, и расстояние между ними сократилось, пожалуй, уже до пяти метров.

И тут у блондинки в руке что-то блеснуло. Затем она подняла эту руку и направила на него. Он продолжал по инерции идти, и между ними осталось не более четырех шагов. В этот момент он сообразил, что блондинка держит в руке не что иное, как пистолет, черный и длинный. Затем рука блондинки слегка дернулась, и в ту же самую секунду что-то легонько ударило его в грудь. «Что за странная манера, – подумал он, – расхаживать по улицам с игрушечным пистолетом. И обращать на себя внимание, стреляя пулями в прохожих».

Однако у него почему-то вдруг закружилась голова. Он совсем не хотел этого, но был вынужден сесть – прямо на холодный асфальт. Он видел, как блондинка выскочила прямо на проезжую часть, к ней быстро подъехала белая машина, она открыла дверцу и исчезла внутри авто – все было сделано быстро, как в детективных фильмах про мафию. Машина резко взяла с места.

А он по-прежнему сидел на тротуаре. К нему никто не подошел. Все равнодушно и торопливо проходили мимо. Он попытался встать на ноги, но это ему почему-то не удалось. Странно, почему? Никакой боли он не чувствовал. Однако вот в середине груди что-то легонько жгло. Он, сидя, опустил глаза, и увидел, что вся грудь его пальто отчего-то залита чем-то красным. И этой красной жидкости почему-то становится все больше.

Он еще раз попытался встать, но ноги не слушались его. Наоборот, улица опять стала кружиться перед ним, а через секунду он почувствовал, как его голова, которой он почему-то тоже уже перестал владеть, ударилась об асфальт. Еще через секунду он потерял сознание.

И больше в сознание не приходил.

Приехавшей через пятнадцать минут «Скорой» оставалось только констатировать его смерть.

Глава 1

НАДЯ МИТРОФАНОВА

Винтовую лестницу, что вела в хранилище редких книг, в историко-архивной библиотеке называли «поцелуйной». Узкая, витиеватая, с чугунными ступенями, она осталась от прошлого века. Сохранились и прихотливо-узорчатые перила, и массивные фонари пообочь. На стене висела гравюра, тоже старинная: пышноусый гусар кокетничает с гризеткой.

Студентам-читателям – основным поцелуйщикам – ход сюда был заказан: директор распорядился повесить кодовый замок. А сотрудницы в библиотеке – дамы воспитанные, на лестницах амуры крутить не будут. Да и не с кем – мужчин в библиотеке всего трое: директор, Задейкин – начальник отдела редкой книги да сторож. Директор – зануда, старичок-профессор. Задейкин – ученый червь. А от сторожа Максимыча вечно чесноком пахнет.

Надя Митрофанова поцелуйную лестницу терпеть не могла. И ступеньки скользкие, и тетка хранилищная, Нина Аркадьевна, – вредина страшная. Чуть опоздаешь сдать тома – разнос устраивает. Но что делать – каждый вечер приходилось сюда ходить. Правила в Историчке строгие: ровно в девять, после закрытия библиотеки, нужно отволочь в хранилище редкие книги (оставлять их в читальном зале до утра категорически воспрещалось). Издевательство какое-то: несешь тяжеленную стопку книг, да еще и извиваешься вместе с ней по крутым лестничным изгибам. Темно, скользко и страшно. Один раз Надя таки оступилась, упала, пересчитала боками все ступеньки. Синяков понабивала и сломала каблук на новых туфлях – вся премия на ремонт ушла. Разозлившись, Надя даже хотела пойти к директору и потребовать для хранилищной лестницы ковровой дорожки и яркого света – да сослуживицы уверили: директор, ревнитель старины, все равно откажется «опошлять раритет». А ей, Наде, из-за «раритета» каждый вечер мучиться. Полумрак, тишина, гусар на гравюре сверкает зубами, ступени скользят и стонут... Того и гляди, *Ординатор* появится.

В любой, даже в районной, читальне имеется свое собственное привидение. А уж в историко-архивной библиотеке (год основания – одна тысяча восемьсот пятьдесят пятый!) о штатном *духе* состряпали целую легенду и обязательно рассказывали ее новичкам и гостям. Впрочем, часть легенды подтверждалась документально. Надя сама читала полицейские отчеты в рукописном архиве.

Местное привидение называлось *Ординатором*.

Бедный студент-медик, влюбленный в богачку из позапрошлого века, все надеялся выучиться и выйти в люди. Дневал и ночевал здесь, в Историчке, мечтал об императорской стипендии... Но невеста устала от его обещаний стать *модным доктором* и пошла под венец с обеспеченным старикашкой. А безутешный ординатор взял и повесился – прямо тут, в библиотеке. Надя своими глазами читала об этой истории – и в «Московских ведомостях», и в полицейских архивах. Даже фотографию ординатора видела – молодой, красивый, бледный... Где именно, интересно, он повесился – вдруг на этой самой поцелуйной лестнице? А что, вполне может быть – вон, под потолком крюк висит...

А дальше уже начиналась мистика. Дух *Ординатора*, говорили, до сих пор порой бродит по библиотеке. Одет во все черное, а лицо – белее первого снега. Он то показывался в архиве, то забредал в каталоги, то завывал громче лихого ветра на чердаке... Лично Надя никогда *Ординатора* не встречала – а все равно вечерами, когда вокруг тишь и только неистребимые мыши попискивают, как-то боязно.

Одна радость – стопка книг сегодня совсем легкая. «*Трутенъ*» 1769 года да худенькая брошюрка Плиского о происхождении рекламы. Даже смешно из-за такой ерунды в хранилище

идти. За «*Трутнем*» профессор Есин все равно завтра с утра снова придет, а *Плиский* — всего-то 1894 года выпуска, подумаешь, редкость, еще из-за него в хранилище тащиться.

Надя сегодня справлялась одна – начальница зала уехала пломбировать зуб. Молодой библиотекарь Митрофанова всегда стеснялась прогонять профессоров раньше срока и потому избавилась от читателей только в начале десятого – и то сторож Максимыч помог, заглянул в зал, рыкнул: «Але, доценты! Закрываемся!» Надя пошла запира́ть окна. Возмущенно заметила, что у бегонии (рядом со столом доцентши Крючковой!) опять отщипан лепесток. Вот гадская тетка! Бегония-то – только прижилась! Надя бросилась подмазывать пораненный стебель специальным растительным пластилином, замазала, взглянула на часы: божечки, уже полдесятого, а у нее еще книги в хранилище не сданы! Сейчас Аркадьевна ее прикончит! Надя пулей вылетела из зала. Сотрудники уже разбежались, верхний свет был потушен – только аварийные лампочки по стенам мерцали. «Как хорошо, когда тихо!» – Надя быстро шла по коридору и влюбленно вслушивалась в поскрипывание паркета и шелест метели за окном. Уставшая после целого дня работы, общения, шума, она вдруг подумала: «Была бы вся Историчка моей! Безо всяких читателей. Уютно, спокойно...» Она улыбнулась неожиданной глупой мысли. Чего только в голову не придет, когда устанешь...

Вот и коридорчик-кишка. По правой стороне выстроены ящички предметного каталога, а в конце – поцелуйная лестница. Надя сунулась в карман за магнитным ключом-карточкой, а когда подняла глаза... увидела, что от окна метнулась размытая, страшно черная тень. *Ординатор?*

– Кто здесь? – звонко крикнула Надя и услышала, что голос ее дрожит.

Никого. Только гудит в темноте вечера вьюга, да каталожные ящики, презрительные и стройные, мерцают медными ручками. Почудилось.

Надя подошла к двери в хранилище, вставила карточку в прорезь замка. Дверь распахнулась, поцелуйная лестница развернулась сталью ступенек... И тут Надя явственно услышала сторожкие, бархатные шаги. Кто-то торопливо шел по каталожному коридору.

– Максимыч, ты? – позвала она. Не иначе сторож примчался на ее первый выкрик.

Тишина. От поцелуйных ступенек веет стальным холодом, гусар с гравюры насмешливо скалит зубы. Надя пулей ринулась вниз по лестнице, ворвалась в хранилище. Нина Аркадьевна, уже одетая, встретила ее недовольным:

– Митрофанова! Опять позже всех?!

– Цв-веты поливала... – пролепетала Надя.

– Давай, расписывайся! – Хранительница раздраженно швырнула ей ручку.

– А наверху там, кажется, *Ординатор*, – прошептала Надя, расписываясь в сдаче «Трутна» и Плиского.

– Что ты там бурчишь? – сердито переспросила Нина Аркадьевна. Она как раз заправляла под шапку волосы и не слышала Надиных слов.

Надя повторять не стала.

Хранительница не глядя швырнула Надины книги на полку, схватила сумочку, сообщила:

– На электричку из-за тебя опоздаю!

– Извините, – склонила голову Надя.

Ее покорность Нину Аркадьевну только раззадорила:

– Завтра с начальницей твоей поговорю. Чтоб книги сдавала вовремя, – злорадно пообещала она.

«Чтоб тебя *Ординатор* по дороге пришиб!» – подумала Надя и еще раз вежливо повторила:

– Извините меня, пожалуйста.

* * *

Этой ночью Надя спала отвратительно. Стоило закрыть глаза, как на нее начинал наступать темный коридор с каталожными шкафчиками, и поцелуйная лестница с ледяными ступенями, и черная, страшная тень *Ординатора*. И некому было ее разбудить, обнять, развеять кошмар... Ах, если бы она была не одна! Не одна не только сейчас. И еще хорошо бы, если бы она жила не сегодня – не в этой, современной, суматошной и несправедливой жизни. Спускалась бы она по той же поцелуйной лестнице в пышном шелковом платье, и случайно наступила бы на оборку, и скользнула башмачком с узкой ступеньки... А рядом – ОН. Дворянин. Опора. Защитник. Всегда поддержит, подхватит, может быть, поцелует...

Надя в полусне била ладонью по кровати, все пыталась достать его: вдруг он где-то рядом, совсем близко к ней – верный, сильный, уверенный в себе человек, и он прижмет ее крепко-крепко, и утешит, и прошепчет на ушко ласковые слова...

Но Надя просыпалась и понимала, что она – снова в одиночестве разметалась на постели, и за окном – только ночь, и пурга, и равнодушный, колющий снег.

Уставшая от кошмаров, Надя включила ночник, повалялась, послушала завывания ветра. «Почему, когда снег, так есть хочется? Нет, ночью кушать нельзя. Вредно».

Живот возмущенно заурчал. Надя вздохнула и прошлепала на кухню. Что она, даже чаю не может себе позволить?

Холодильник сиял чистыми полками: зарплата только послезавтра. «Была б я разумной – купила бы на последний столик курицу. И бульончик был бы, и мясо – в сухарях можно обжарить. Калорий немного, и для желудка полезно». Но курицы, увы, в холодильнике не имелось. Вместо нее Надя накупила конфет и сушек. Верный, конечно, гастрит, да и килограммы лишние – зато вкусно.

Ее единственный верный рыцарь – такса Родион – приплелся на скрип паркетных досок. Умильно крутил хвостом, преданно взглядывал в глаза.

– Лицемер ты, – вздохнула Надя, швыряя ему конфету.

Она заварила себе зеленого чаю – маленький реверанс здоровому образу жизни. Взяла четыре сушки и две конфеты «Мишки на Севере». Остатки лакомств остервенело засунула на самую дальнюю полку, чтоб больше соблазна не было. Хрустнула сушкой. Задумалась. Мысли текли вразброд, иногда сталкивались, натываясь друг на дружку. «Интересно, про *Ординатора* — это все-таки правда? Или – показалось? Когда выюга – чего только не примерещится... А сушки хорошие, свежие, и маку на них много... И что я все мечтаю о длинных платьях да о позапрошлом веке? Совсем, что ли, дура, клуша библиотечная?! Неужели кому-то это сейчас нужно?!»

И память услужливо подкинула: ее недавний знакомый Вадим, молодой доцент. Глаза грустные, лицо умное, и галстук дорогой. Надя припомнила, как пили они кофе с восхитительными пирожными и он говорил: «Вам, Надежда, следовало бы родиться не сейчас. Представляете: девятнадцатый век, усадьба, все неспешно, величаво, красиво... «Над всем, что она делала, говорила, над каждым ее движением носилась тонкая, легкая прелесть, во всем сказывалась своеобразная, играющая сила... Это, несомненно, о вас...»

Надя даже вздрогнула, когда Вадим слово в слово, без запинки, процитировал милую ее сердцу «Первую любовь».

– Вы любите Тургенева? – строго спросила она.

– Люблю. Я не гонюсь за модой, – ответил Вадим, остро впиваясь в нее своим грустным взглядом.

Ну и что, где теперь этот Вадим? Исчез и даже телефона не оставил. «Я тебе позвоню!» – сказал. Какие дурацкие, пошлые, лживые слова!

Родион привалился к Надиной ноге: мокрый нос греет, он у него мерзнет.

«Нет, с мужиками мне не везет. Интересно, может, это болезнь такая? *Хроническое безмужчинство*. Может, у меня запросы слишком завышенные? Сходить, что ли, в кино... Ну, скажем, с Сашкой, дружком Димы Полуянова? Сашка-то давно звал... Ну схожу. Ну, кофе с ним выпью. А дальше-то что?»

Надя, не видя, смотрела в зимнее ледяное окошко и понимала: Сашка – не то. Не нравится ей Сашка, и не нужен он ей. Он – скучный. Обычный, рядовой.

«Можно подумать, ты сама – не рядовая», – передернула плечами Надя.

Нет, она – не рядовая, она не хочет быть рядовой! Вон, когда вместе с Димкой Полуяновым расследование вели, она даже быстрее него соображала! Только разве кто это оценил?

Эх, Димка, Димка... Журналист, красавец, циник... Столько пережили вместе, стояли друг за друга насмерть. Когда припекало, ни на шаг от нее не отходил. И Наденькой называл, и лапочкой, и умницей. А как только общие приключения кончились – все, прощай, библиотечная девушка. Когда жизнью рисковать – так вместе, а уж плоды славы он и сам пожнет, справится. Имя себе сделал на их расследовании, газета специальный выпуск напечатала – огромная статья, фото автора и подпись: «Наш герой Дмитрий Полуянов». А она, Надя, – как бабка из сказки, возле разбитого корыта осталась.

На душе стало совсем погано. Вьюга, ночь, половина четвертого утра. А завтра ей – в первую смену, к девяти. И к чаю – одни дурацкие сушки остались.

Надя подхватила Родю под мышки и отнесла его на постель. Ну и пусть – негигиенично. Зато – не так одиноко.

За сто восемьдесят лет до описываемых событий

Писано по-французски.

...Счастье мое представлялось мне бесконечным; я не вспоминала о прошлом; не мечтала о будущем – я жила лишь сегодняшней минутой. Я наслаждалась огненными взорами, что он любовно бросал на меня; звуком речей его – из коих я не слышала половины, однако же умела чудесным образом впадать делать свои замечания; его тайными пожатиями моей руки, на которые я порой бесстыдно позволяла себе отвечать... Будущность наша рисовалась мне в счастливом тумане. Он просил моей руки. Он был богат, знатен и красив – этого оказалось довольно для моей тетушки. Я не могла поверить в свое счастье и разрыдалась у нее на руках, как дитя, когда тетенька вошла ко мне в комнаты с сим известием. Конечно же, я не могла отказать ему. Свадьба была назначена сразу на Красную горку, здесь, в Первопрестольной, в храме Большого Вознесения у Никитских ворот.

Все время, предшествующее венчанию, я была, как мотылек. Я жила одним лишь днем. Я трепетала в предвкушении его объятий и грозных тайн брачного венца, но таинства семейной жизни представлялись мне словно покрыты розовой вуалью. О! Теперь-то я знаю, что за этой вуалью сокрыты невидимые миру тернии, которые способны жестоко язвить тело и душу!

Однако буду последовательна в описании роковых событий. Однажды, во время одного из его визитов, он сделал мне вопрос, коего я втайне ожидала и страшилась все это время – но который все равно прозвучал для меня словно раскат грома. Взор мой затуманился, грудь стала вздыматься чаще. Увидев мое состояние, он схватил меня за руку. «Я расстроил вас! Простите!» – воскликнул он. «О да... – проговорила я холодеющим языком. – Память о бедной матушке еще так свежа, еще причиняет мне столько боли...» Однако вовсе не одно только воспоминание о покойнице стало причиной моего состояния. Не ведая о сем, он продолжал настаивать: «Но ваш отец... Я хотел бы увидеть его и заручиться для нашего брака его благословением...» Тут краска прихлынула к моему лицу; в глазах потемнело, и я лишилась чувств.

Мой жених связал мой обморок лишь с упоминанием о моей бедной матери – тайна моих родителей тщательно охранялась от мнения света.

Поэтому не прошло и двух дней, как жених мой с невинной безжалостностью вновь спросил меня об отце. На сей раз мне удалось не лишиться чувств, и я холодно ответила, что дела имения удерживают папеньку в деревне. Мой жених настаивал на встрече с ним; он просил позволения писать ему; он хотел, чтобы мой отец присутствовал на обряде венчания. Не помню, под каким предлогом удалось мне отговорить его от сих намерений.

Однако предлог этот, видимо, не показался ему основательным, потому что он стал возвращаться к беседам о моем отце едва ли не ежедневно – не представляя, какие мучения доставляет он мне сими своими разговорами. Наконец – и вовсе не потому, что я хотела бы того, а единственно ради избавления себя от расспросов, язвящих мне душу, – я согласилась на план, высказанный однажды моим женихом: немедленно после венчания мы вместе с ним отправимся с визитом к моему отцу, в наше имение Никитинское.

Это намерение, эта грядущая встреча моего будущего супруга и моего отца несказанно отравили все мои мысли перед свадьбой и все приготовления к ней. И мой жених, и тетушка не раз заставляли меня в слезах – на их расспросы о причинах расстройства я обычно отвечала: «Пустое...» – ибо никому не могла поведать истинный повод своей печали. Они оставляли меня в покое, высказывая предположения, что я грущу о предстоящей мне утрате девической невинной беззаботности. Вечерами я горячо, вся в слезах, молилась об избавлении меня от мучений. В своих фантазиях ночью я представляла себе какой-нибудь способ, который смог бы спасти меня от неизбежного возвращения в Никитинское. Я мечтала о том, что мой жених вдруг переменит свои планы; и о том, что свадьба наша неожиданно расстроится (и чуть ли

не стала всерьез желать этого!); и даже – да простит меня господь за кощунственные мысли! – мечтала о чьей-либо смерти: моего отца, моего жениха – а прежде всего меня самое. Я представляла себя не в подвенечном уборе пред алтарем – но в таком же белом одеянии покойницы, во гробе, украшенном цветами. Я воображала горькие рыдания моего жениха над моим безжизненным телом – и сей исход казался мне едва ли не желанным, и я сама заливалась сладкими слезами...

Однако бог не услышал моих грешных молений. И вот наступил решительный день. Завтра!.. Завтра для меня зазвонят церковные колокола, завтра священник провозгласит, что мы с моим супругом отныне плоть едина... Завтра я должна по всем законам, божьим и человеческим, стать счастливейшей из смертных – но я по известным причинам ожидаю сего дня с трепетом не предвкушения, а страха. Я страшусь не неизведанного, а живу в предвкушении смертной муки. В преддверии несчастья, которое – я знаю, знаю это! – должно неминуемо произойти.

Завтра!..

21 апреля 1822 года

После двух дней пути мы достигли Никитинского.

Коляска остановилась у подъезда. Сердце мое сжалось. Никто не вышел на крыльцо встречать нас.

Дом, в котором прошло мое детство, хмуро и настороженно глядел на мир нечистыми своими окнами. Он казался необитаем. Краска с фасада облупилась. Колонны потрескались. Сердце мое похолодело. Сбывались самые горестные мои предчувствия.

Так и не дождавшись никого из дворовых, мы с мужем с помощью кучера и слуги выбрались из кареты. Тут на крыльце наконец кто-то появился. То был угрюмый Тимофей, старый лакей моего папеньки. Он приветствовал нас молчаливым полупоклоном. «Готовы ли комнаты?» – строго спросила я его. «Да-с», – важно отвечал Тимофей. Откуда-то из дому выскочили наконец босоногие мальчик и девка. Тимофей распорядился отнести наши вещи. Сопровождаемые им, мы отправились в приготовленные нам с мужем покои. Дом и внутри казался сырым, угрюмым и необитаемым. Его вид повлиял даже на моего мужа, и он, во всю дорогу от Москвы имевший настроение самое радостное и все пытавшийся развлекать меня анекдотами и каламбурами, сделался тут настороженным и угрюмым. Во время пути к комнатам я улучила минуту и тихо спросила у Тимофея о папеньке. «Почти не выходят-с, – отвечал он. – Все в кабинете; читают да пишут-с; обед к ним туда подаем». Сердце мое вновь сжалось болезненно.

Потому я нимало не удивилась – в отличие от моего супруга, – что папенька не почтил своим присутствием обед, который подали нам по обычаю в малой гостиной. Гостиная, как и прочие комнаты дома, хранила на себе черты нерадения и преждевременного увядания. Обивка стульев отстала; на чудесной картине в Ван Диковом духе лежал слой пыли; рама потрескалась, в углу вил свое гнездо паук. Скатерть была немывта; котлеты пригорели, в лафите плавала муха. Прислуживала нам босая девка в грязном переднике. Все вокруг словно пригованивало моего супруга к свиданию, коего тот со странной настойчивостью столь долго желал – к свиданию с тем, кто был главным виновником запустения, царящего в усадьбе. Мною вдруг овладело равнодушие – так, говорят, преступник, долгое время ожидающий смертной казни, приходит в отупение в самый день исполнения приговора.

Но когда после обеда в залу вошел Тимофей и важно провозгласил: «Барин просят дорогого гостя пожаловать в свой кабинет», – сердце мое встрепнулось, и я едва не лишилась чувств. Супруг мой двинулся к двери, я бросилась вслед за ним. Однако Тимофей остановил меня словами: «А вам, барыня молодая, не велено». Серьезность слов своих он подтвердил, неучтиво захлопнув двери прямо передо мною, едва из них вышел мой супруг. Делать нечего, я присела на диван. Сердце мое колотилось, решалась моя судьба.

Возможно, на какое-то время я лишилась чувств, впала в столбняк или заснула, потому что слышала и бой старых часов – на удивление до сих пор шедших, – и биение о раму проснувшейся мухи. Но все чувства, казалось, во мне омертвели. Не знаю, сколько прошло времени, только за окнами стало темно, когда из двери вышел наконец мой муж.

Он был в ужасном виде. Лицо его помертвело, волосы лежали в беспорядке, на челе – крупные капли пота, нижняя челюсть тряслась. Я вскочила с дивана с криком: «Друг мой!» – и бросилась к нему. Однако молодой мой супруг помертвелою рукой отстранил меня и бросился вон из гостиной. Я слышала его удаляющиеся неровные шаги по коридору.

И тут передо мной возник Тимофей. «А теперь и вы, молодая хозяйка, пожалуйста к барину», – промолвил он, осклабя свои пожелтые зубы. Не помня себя от ужаса, гнева и дурных предчувствий, я бросилась к папеньке в кабинет.

Вид, в котором пребывал отец – хоть я предчувствовала увидеть его примерно в подобном образе, – все равно поразил меня в самое сердце. Папенька полулежал в глубоком кожа-

ном кресле. На нем был лишь халат и засаленный платок на шее, волосы всклокочены, глаза лихорадочно сверкали, худые руки сжимали рукояти кресла.

В кабинете царилась ночь, шторы плотно запахнуты, на столе три свечи. Они освещали неверным светом нагромождение книг, тетрадей, разбросанных в беспорядке исписанных листов. Книги, листы и тетради валялись и на полу, и на других креслах. На полу же стоял неубранный поднос с остатками обеда и недопитой бутылкой вина. «Доченька...» – сказал отец, и по щекам его внезапно заструились слезы. «Что вы сказали ему?» – выкрикнула я. Отец с усилием поднялся из кресла и протянул ко мне руки, очевидно желая обнять. «Что вы ему сказали?» – отстраняясь, еще раз гневно спросила я. Папенька не отвечал; он плакал; слезы текли по его худо бритому лицу. «Это ничего, доченька, – вдруг забормотал он, по-прежнему протягивая ко мне руки. – Прости меня, и бог нас простит».

В этот момент с крыльца послышался шум; я узнала отдаленный голос супруга. Он кричал, но слов его я не могла разобрать. Опрометью я выскочила из кабинета.

Когда я выбежала на крыльцо, слуги, суется, закладывали нашу коляску. На крыльце лежали уже чемоданы моего супруга. Сам он стоял, скрестив на груди руки. Хмурый взор его метал мрачные молнии. Я бросилась к нему на грудь. «Что вы делаете?» – закричала я. Он обнял меня.

«Простите меня, – с усилием проговорил он. – Вы ни в чем не виноваты. Но я... Я должен уехать...» – «Но почему?!» – вскричала я. – «Что он сказал вам?» – «Нет... нет...» – проговорил он. – «Я не могу... Это неважно... Вы ни в чем не виноваты... Простите меня...»

Он со всей нежностью поцеловал меня – а через минуту уже сидел в коляске.

Скоро топот лошадиных копыт растаял в ночи, оставив меня одну на крыльце родительского дома.

Глава 2

НАДЯ Наши дни

У любого человека бывают минуты, когда он жизнь свою *ненавидит*.

Надя часто проклинала свою судьбу в одно и то же время: когда по утрам, невыспавшаяся, она тряслась на работу в душном, несмотря на уличную холодрыгу, метро. Поезд был забит такими же неласковыми и злыми на фортуны людьми. Счастливицы, захватившие сидячие места, прикрывались газетами под взглядами стоявших пенсионеров.

Какой идиот придумал, что библиотека должна открываться в девять утра? С какого перепуга директор требует, чтобы сотрудники являлись на службу аж к половине девятого? Что лично ей, Наде, делать в такую рань в пустом читальном зале? Девчонкам из хранилища повезло больше: они приспособили себе диванчик в укромном уголке и дремлют там по утрам, пока нет заказов на книги. А в читалке покемарить негде, все стулья жесткие, и начальница коршуном нависает.

«Чего, спрашивается, я вчера полночи колобродила? – укоряла себя Надежда. – Какая-то чушь: мечты, принцы, чай в три утра...» Она завистливо поглядывала на редких «продвинутых» попутчиц – правильные девушки и волосы успели уложить, и подкраситься. Сама же Надя с трудом продрала глаза только в семь и, наскоро перекусив, вихрем вылетела из квартиры. Какие уж тут укладки – спасибо, зубы почистить успела.

К станции «Китай-город» народу в вагон набилось столько, что она еле пробралась к выходу, – до чего ж неприятно людей расталкивать! Пока пролезала к двери, нарвалась на маньяка: мужичонка, несмотря на толпу, спроворился уцепиться за грудь, а она ему даже на ногу наступить не успела... В общем, тяжелый день – хоть и не понедельник.

Надя выбралась из метро только в восемь двадцать пять. На Солянке образовалась беспроездная пробка, противно гудели оснащенные сиренами «Мерседесы». Деловито сновал народ, на пороге чебуречной, расположенной прямо у выхода из метро, ругалась парочка алкоголиков.

Считалось, что до библиотеки от метро пять минут пешего ходу. Так и по телефону всем говорили, когда объясняли, как проехать. Надя за это время не поспевала – только бегом. Но сегодня бежать категорически не хотелось. «Пусть директор сам за такую зарплату бежит», – решительно подумала она и нарочито замедлила шаг. Наплевать, чуть-чуть опоздает – зато окончательно проснется и продышится. Хвала создателю, автоматами «check in»¹ библиотеку еще не оснастили, а начальница авось ругаться не будет.

Надя не спеша заскользила по зазеленелой Солянке. По пути глазела по сторонам. Подметила, что супермаркет всего-то за одну ночь обзавелся новой вывеской. Понаблюдала – не без легкого злорадства, – как фифа на лаковой «бээмвушке» никак не может припарковаться, а водители сзади осыпают ее возмущенными гудками. Обратила внимание, что по дороге пытается пронестись изрядное – для мирного-то утреннего времени! – количество милицейских машин. И гудят противно – прямо Нью-Йорк какой-то.

На повороте в Старосадский переулок Надю нагнала Наташка из каталогов. Выскочила из-за спины рыжей чертякой: морковного цвета волосы, глаза, украшенные кирпич-

¹ Автоматическая регистрация работников на входе в учреждение.

ными тенями, – Митрофанова даже испугалась, пробормотала: «Фу, ты как Медный всадник!» Наташка заржала в ответ: «Ага, скачу аллюром на службу!»

Наде, хочешь не хочешь, пришлось приспособливаться к Наташкиной гарцующей походке. Они быстро поднялись по переулку в горку, к библиотеке, завернули во двор – Надя всегда любила встречать утреннее величие и тишину любимой библиотеки – ... и недоуменно остановились. У служебного входа полыхали мигалками милицейские машины. Рядом стоял озабоченный молодой милиционерчик, прикрываясь рукой, что-то шептал в рацию. В холле происходило движение, мелькали люди в форме. Наташка воскликнула – радостно и озадаченно: «Ух ты, да в нашем болоте что-то случилось!» Надя растерянно заморгала: прямо сон какой-то! Уж очень режущей глаз была картина: монументальное, важное здание библиотеки и милицейская суета у подножия.

Наташка взглянула на часы и пошутила:

– Без двадцати девять. Видишь, Надька, мы с тобой доопаздывались: сейчас арестуют.

Обе так и стояли у входа: даже смелая Натаха, казалось, не решалась шагнуть внутрь – в гущу чего-то нового, непонятного, страшного.

Милиционерчик наконец отбурчался в свою рацию и направился к ним. Надя поймала себя на странной мысли: больше всего ей захотелось повернуться и бежать – бежать прочь, даже не узнав, что случилось. Наташка, наоборот, вся подобралась и встретила стража порядка широченной улыбкой.

– Нашли бомбу? – с придыханием спросила она.

Милиционер мазнул равнодушным взглядом по Наде, но с видимым интересом осмотрел Наташкин «медный» антураж. И особенно заинтересовался ее короткой, несмотря на непогоду, юбкой. Потом спросил, обращаясь к ней одной:

– Вы что хотели, девочки?

Натка фыркнула:

– Девочки?.. Спасибо, конечно, но...

Отчего-то Надю взбесил этот пошловато-бессмысленный диалог, и она резко произнесла:

– Вообще-то, мы хотели поработать!

– Поработать? Сейчас?! – переспросил милиционер и снова уставился на Наташку. Та глупо хихикнула и облизнула губы. – Ну, ну!.. – улыбнулся милиционер. Он явно понял слово «поработать» во вполне определенном смысле.

Надю бросило в краску: вечно она умудряется что-нибудь не то ляпнуть!

– Мы работаем здесь, в Исторической библиотеке, – строго сказала Митрофанова. – Я – в зале всемирной истории, а она, – кивок на Наталью, – в отделе каталогов. Вы, наконец, скажете нам, что случилось?

Милиционер поскучнел, равнодушно кивнул на вход:

– Ну, раз работаете – проходите.

Наташка наградила красавчика в форме еще одним соблазняющим взглядом. Кажется, ей хотелось остаться и продолжать нелепое кокетство. Да ради бога!

– Я пошла, – заявила Надя и направилась к дверям.

Наташка, секунду поколебавшись, потащила следом. На ходу – всего-то три шага сделать! – она успела пару раз обернуться и обласкать симпатичного милиционера томным взглядом. «Умеют же некоторые!» – подумала Надя со смесью неодобрения и зависти. Милашка-сержант – она чувствовала – неотрывно смотрит им в спины. Точнее, наверное, – на Наткины ноги.

В холле Наташу с Надей никто не остановил. Библиотечный охранник внимательно, будто они и не встречаются каждый день в буфете, изучил их пропуска. За процедурой наблюдал стоявший рядом лейтенант с рацией. Девушки напряглись, ожидая вопросов, но их молча пропустили внутрь.

У лифта они встретили директора. Надя ссутулилась, ожидая разноса за опоздание, но Михаил Юрьевич только кивнул в ответ на их виноватое «здрасьте». Спрашивать у директора, что случилось, обе, конечно, не решились.

– Надька, умру сейчас, если немедленно не узнаю, в чем дело! – возбужденно проговорила Наташка.

Лифт вознес их на третий этаж, и Натаха, даже не кивнув Наде, умчалась в свои каталоги: выяснять, что случилось. «Ну и несись! – злорадно подумала Надя. – Мой-то источник информации – куда как лучше».

Надина шефиня, начальница зала всемирной истории, считалась в библиотеке *кладезем*. В виду имелся не кладезь мудрости – наоборот, Дарья Михайловна часто терялась, когда читатели заводили с ней разговор о какой-нибудь «ночи длинных ножей» или о древнегреческих «криках улиц». Но если речь заходила о том, *кто, с кем, почему и когда* — о, тут Дарье Михайловне не было равных. Надя иногда фантазировала, что живет ее начальница в Италии и является матроной шумного сицилийского клана. Митрофанова представляла Дарью Михайловну сидящей во главе стола под сводами оливковых деревьев – как в надоевшей рекламе майонеза, – а к ней потоком идут за вердиктом-советом и мафиози, и тиффози, и чичероне.

Своей семьи у Дарьи Михайловны не было, но она от этого, казалось, не страдала. Событий и эмоций ей хватало и здесь, в библиотеке. Сотрудники говорили, что официальный директор – фигура почти номинальная, вроде Людовика Тринадцатого. А все-обо-всех-знавшая начальница зала всемирной истории – реальный властитель, кардинал Ришелье. Директор председательствовал на собраниях и ездил в мэрию – а Дарья Михайловна «работала с коллективом»: журила, казнила, возвышала, советовала, продвигала и ввергала в опалу.

Надя, хвала судьбе, ходила у начальницы в любимицах: скромная, безответная, исполнительная. И слушать она умела, а Дарья Михайловна без аудитории просто чахла. Правда, обычно Надя пропускала мимо ушей рассказы начальницы: ее мало интересовало, кто из сотрудников женился-развелся, а кто – сто рублей в лотерею выиграл. Но сегодня – особый случай, сегодня Надя будет слушать внимательно!

Она с разбегу ворвалась в зал и, запыхавшись, выпалила:

– Извините, Дарь-Михална, я опоздала, но там на входе менты стоят, меня пускать не хотели! (Вот и отмазка появилась!) Скажите, а что случилось?

Дарья Михайловна округлила глаза:

– Ты что, еще ничего не знаешь?!!

* * *

Картина происшедшего, нарисованная сочными и щедрыми мазками начальницы, выглядела так.

Николай Гаврилович Задейкин, начальник отдела редкой книги, спешно дописывал диссертацию. Ходили слухи, что умник Задейкин уже получил приглашение занять кафедру русской литературы в Кэрролл-колледже, штат Монтана, США. Но без звания доктора в американской должности его утвердить не могли, потому Николай Гаврилович и торопился побыстрее выйти на защиту.

Его научным изысканиям в «историчке-архивичке» не препятствовали: сотрудникам библиотеки отнюдь не возбранялось заниматься научной деятельностью. Начальство понимало, что зарплата в библиотеке *стимулом* уж никак быть не может. Ради собственно книг здесь трудились лишь отдельные фанаты печатного слова вроде Нины Аркадьевны из хранилища. Остальные служили в Историчке, попутно решая собственные проблемы. Особенно рвались сюда на работу студенты-историки – разве плохо, помимо кое-какой зарплаты, иметь

неограниченный доступ к редким книгам? И даже – на правах сотрудников получать их по абонементу домой?

Задейкин тоже был из ученых. Его диссертация посвящалась масонской библиотеке графа Уварова, хранившейся здесь в единственном экземпляре. Вот Николай Гаврилович и устроился сюда на работу... Но он – увы, для него самого – был человеком ответственным. И если студенты-историки, занятые своими курсовыми, на читателей часто поплеывали и скапливали у стоек огромные очереди, то Задейкин работал на совесть. И за фондами следил, и картотеку пополнял, и посетителей консультировал. Потому и успевал заниматься диссертацией лишь по окончании присутственных часов.

Вчера, по словам охранников, он покинул библиотеку ближе к полуночи. (И то на прощанье заявил, что, если б метро не закрывалось, он бы еще пару часов посидел.) Уходя, Николай Гаврилович убедился, что железные жалюзи на окнах опущены и двухметровый сейф, содержащий особо ценные рукописные книги, заперт. Задейкин сказал охранникам, что включил обе сигнализации: и ту, что защищала комнатку с самыми драгоценными томами, и общую, работавшую на весь зал редкой книги. Охранникам в принципе полагалось подняться на четвертый этаж и лично проверить, что обе сигнализации работают, но разве ж им охота таскаться по крутым лестницам (лифты после девяти вечера отключались). Добросовестному Задейкину просто поверили на слово и приняли у него три ключа: от сейфа, от комнаты повышенного контроля и от входной двери в зал редкой книги.

Ночное дежурство прошло спокойно («Охранники подрыхли без задних ног!» – возмущенно сказала Дарья Михайловна).

Первым, в семь утра, на работу опять-таки явился неугомонный Задейкин. Радостно сообщил не успевшим смениться охранникам, что ночью его-де озарила гипотеза, которая требует немедленного подтверждения. Он получил назад все три ключа и резво потрусил по лестнице (лифты еще не включили) к себе, на четвертый этаж, *в редкую книгу*.

Через пять минут, бледный, прибежал обратно. Трясущимися губами сообщил: дверь в отдел не заперта, а входить внутрь он не решился... Охранники наконец оторвали от дивана свои тяжелые задницы (так прямо Дарья Михайловна и выразилась), побежали вместе с ним наверх, ворвались в отдел... Там было тихо и мирно, никаких следов разрушений. Они вошли в комнату особо ценного хранения – дверь в нее была отперта, жалюзи подняты, и одно из окон приоткрыто. Николай Гаврилович схватился за сердце. Охранники потянули дверцу сейфа – она подалась. Задейкин маячил за их спинами – и внезапно издал жуткий вопль.

Сейф оказался наполовину пуст.

– Исчезли: вся уваровская библиотека, рукописные судебники, «Евангелие» 1740 года, первое издание «Путешествия из Петербурга в Москву», полный комплект «Полярной звезды», первое издание. Всего около ста томов, – мрачно и величественно перечислила Дарья Михайловна.

Надя от волнения выдернула волосок и принялась вертеть его в руках. Дарья Михайловна потянулась к ней мощной ладонью, отобрала волос:

– Побереги нервы, Наденька. Тебе еще со следователем разговаривать.

– Мне?

Надя вспомнила цепкий взгляд милиционера на входе, и ее замутило, а во рту стало сухо. Начальница легко поднялась со своего стула:

– Пойдем, чайку выпьем... Да не волнуйся ты так! Ну, подумаешь, следователь!

Надя встретила с Дарьей Михайловной взглядом и тут же опустила глаза: начальница внимательно следила за ее реакцией. Подозревает?

– Давайте... выпьем... только лучше не чай, а кофе, – пролепетала она.

– Не выпалась, Надюша? – ласково спросила начальница. И равнодушно поинтересовалась: – А ты вчера – во сколько ушла?

– Поздно, – призналась Надя. – Около десяти. Вас же не было – а у меня читатели засиделись, никак выгнать их не могла, спасибо, Максимыч помог.

Не дожидаясь дальнейших вопросов, она сообщила:

– Потом бегонию лечила, ее Крючкова опять ошипала. Потом в хранилище побежала, «Трутня» и Плиского сдавать – Нина Аркадьевна на меня еще накричала, что так поздно... Ну, и ушла, наверное, только около десяти.

Дарья Михайловна кивнула: показания сличила – она, судя по всему, уже успела с Аркадьевой из хранилища переговорить.

– Ничего вчера не видела? Ничего не слышала? – продолжала пытаться ее начальница.

– Когда через каталоги шла, вроде *Ординатор* мелькнул, – честно призналась Надя. – Я потому и ночью плохо спала, все он мерещился...

– Да ты что? – живо заинтересовалась начальница. В отличие от некоторых материалистически настроенных сотрудниц библиотеки она искренне верила в существование местного привидения.

– Да, дуновение какое-то. Одно слово: призрак, – дoloжила Надя.

– Чувствовал, значит, что на его территорию посягают, – авторитетно заключила начальница. – Все чувствует...

– Дарь Михална, а как вы думаете, кто книги-то украл?

– Господи, откуда ж я знаю! – всплеснула руками начальница. – *Как* украли – еще догадываюсь, а вот *кто*... Вон, милиции полная библиотека – пусть они и выясняют!

– А *как*? – затеребила шефиню Надя. – Как украли-то?

– Ну как-как... – пробурчала Дарья Михайловна. Видно было, что ей приятен Надин живой интерес к ее мнению. – Сигнализацию, видно, они отключили заранее – перерезали проводок где-нибудь в незаметном месте. Задейкин что, ее проверять станет? Да ни за какие коврижки! Включил себе рубильник – да и ушел.

– Так лампочка должна зажечься, если сигнализация включилась, – неуверенно возразила Надя.

Дарья Михайловна понизила голос:

– А лампочка – перегорела. Уже неделю – не поменяют. Завхоз ведь в отпуск ушел. – И пригвоздила: – Бардачники!

– Ну а как они сейф открыли?

– А если им не надо было его открывать? – проворчала начальница. И пояснила: – Задейкин вечно его закрывать забывает. Или – специально не запирает, чтобы по утрам не возиться. Замок там тугой, неудобный.

– Ну а как они в библиотеку-то попали?! – нетерпеливо воскликнула Надя.

– Митрофанова! – воскликнула начальница. – Ты знаешь, сколько у нас читателей?!

Надя пробормотала:

– Ну, много... сотни...

– Тысяча только каждый день приходит! И сто тысяч записано! А спрятаться у нас где угодно можно. Помнишь, как в *каталогах* студент всю ночь проспал?

– Значит, кто-то остался после закрытия... пролез в отдел редкой книги... сигнализация не работала, замок там ерундовый... открыл сейф, забрал книги... – А как он вышел? И рукописи с книгами вынес?! Охранники же никого не видели!

– Жалюзи, Митрофанова, – снисходительно пояснила начальница. – Жалюзи подняты, окно открыто. И – пожарная лестница рядом.

– У нас же двор огорожен, ворота заперты! И собак ночью спускают!

– В заборе – дырка, третью неделю починить собираются. А про собак – пока не знаю, почему они молчали, – призналась начальница. И мрачно пообещала: – Но скоро выясню... Ну, ладно, пошли. А то чайник уже давно закипел.

Обе поднялись: чай они пили в закутке, скрывшись за книжными стеллажами.

– Читателей сегодня не будет, – сообщила Дарья Михайловна. И тут же озвучила план на день: – Сначала поговоришь со следователем, а потом, раз есть время, наконец картотеку сверим.

– Читателей – не будет? А я-то хотела, чтоб вы Крючкову за бегонию отругали, – про-
бормотала Надя.

– Не беспокойся. Еще успею, – пообещала начальница. – Это ей с рук не сойдет.

И тут дверь в зал открылась. Обе вскинули глаза.

– Мы сегодня не рабо... – начала Дарья Михайловна.

– Димка... – прошептала Надя.

На пороге зала стоял Полуянов. Он с удовольствием разглядывал Надину грудь и весело улыбался.

ДМИТРИЙ ПОЛУЯНОВ

– Димка... – осекшись на полуслове, прошептала Надя.

Полуянов, красивый, улыбающийся, подошел к стойке.

Дарья Михайловна с неодобрительным любопытством смотрела на него во все глаза.

– Здравствуйте, девочки, – весело поприветствовал библиотекарь Дима – хотя «девочке» Дарье было уж за сорок. Представился: – Я – Дмитрий Полуянов, спецкор газеты «Молодежные вести».

– А мы прессу не вызывали, – ошетинилась заведующая.

Полуянов улыбнулся:

– А пресса, дорогая Дарья Михайловна, не такси. Ее не вызывают. Пресса скорей похожа на тараканов. Сама прибегает. На запах жареного.

– Это мой... – Надя попыталась объяснить заведующей, краснея за независимый, почти хамский тон Дмитрия, – ...мой друг детства. Наши с Димой матери очень дружили.

– Совершенно верно, – любезно подтвердил Полуянов, поклонившись заведующей. – И я хотел бы попросить у вас, милая Дарья Михайловна: можно мне похитить у вас Надю? На полчаса.

Заведующую, несмотря на ее строгий тон, тронул любезный красавчик. Однако она, очевидно уже пасуя перед обаянием журналиста, все-таки пробормотала:

– Все комментарии – у директора библиотеки.

– Был я уже у вашего директора, – весело откликнулся Полуянов. – Все мне ваш Михал Юрьич рассказал. И повидаться с Митрофановой позволил.

– Ну, если разрешил Михаил Юрьевич... – пробормотала заведующая. И, демонстрируя, что она здесь тоже далеко не последний человек, приказала: – Идите, Надежда.

– Я ненадолго, – выскочила из-за стойки Надя.

* * *

Буфет располагался в полуподвале, под сводами палат семнадцатого века – раньше они помещались на месте здания, занятого теперь историко-архивной библиотекой. Народу было непривычно мало – ведь сегодня посетителей не пускали. Лишь за столиком у окна с табличкой: «Для сотрудников» сидели четыре девчонки из хранилища. Видно, заняли они его по привычке – все прочие столы все равно пустовали.

Девочки с завистливым любопытством с головы до ног оглядели Диму в компании Митрофановой.

Приступ любопытства вызвал журналист также и у буфетчиц. Те были с ним любезны сверх меры.

Чрезвычайное происшествие в библиотеке не повлияло на буфетный ассортимент. За стойкой, как и в любой иной день, громоздились горы ароматных, румяных пирожков – с капустой, яблоками, курагой, лимоном.

– Садись, – приказал Дима. – Я сам закажу.

И Надя, как обычно, послушалась его: он был старше, и он был лидером в их маленькой команде, связке из двух человек.

Она уселась за тот стол, где они менее всего подвергались бы обстрелу девиц-сотрудниц.

Через минуту Полуянов уже принес два граненых стакана с растворимым кофе и пару тарелок, заваленных пирожками. Сел спиной к девчонкам, загородив собой Надю.

– Как ты здесь очутился? – спросила она.

– Решил тебя повидать... – усмехнулся Полуянов, набивая рот пирожком.

– Ты по поводу ограбления?

– Угу.

– А как ты узнал?

Надя терпеливо дожидалась, пока он прожует, – и Дима наконец изрек:

– Из хорошо информированных источников.

– Будешь писать о нас?

– Да. Но я уже всю информацию собрал. И решил вот, пользуясь случаем, с тобой повидаться. Так что ты расслабься. Я тебя ни о чем расспрашивать не буду... Хорошие тут у вас пирожки. Надо приезжать к вам завтракать.

– Буду только рада, – проговорила, улыбаясь, Надя.

Она действительно была очень рада видеть Диму. Какой он все-таки красивый, обаятельный, уверенный в себе. «Он классный. Он самый лучший, – пронеслось в голове. – Сашка ему и в подметки не годится... Вот только Вадим, пожалуй... Но что Вадим! Вадим исчез, и не звонит, и носа не кажет... А Дима... Он настоящий друг. С ним чувствуешь себя так спокойно. И уверенно. И можно говорить обо всем».

...Они проболтали за пирожками с кофе невесть сколько времени. Вернее – болтала в основном она: о жизни, о работе, о ночной краже. Дима поощрительно хмыкал, задавал наводящие вопросы.

Вдруг Надежда спохватилась:

– Сколько времени?

– Почти двенадцать.

– Уже?! О господи, да меня ведь Дарья убьет. Все, я побежала.

– Ладно, – не стал удерживать ее Дима. – Мне тоже пора. Надо еще с Михаилом Юрьевичем вашим повидаться.

– С директором?! Так ты ж говорил, что уже встречался с ним!

Дима хмыкнул:

– Мало ли что я твоей Дарье Михайловне говорил.

Надя прикусила губу. О господи! Она ведь только что, незаметно для себя, выболтала журналисту все! Все, что знала об ограблении. Все, что ей самой по секрету рассказала Дарья Михайловна! Она ведь думала: Дима и без того уже все знает! А он, мерзавец, сидел и поощрительно хмыкал. И делал вид, что ему все известно!

Да он ее просто *использовал*! Понапишет теперь с ее слов неизвестно чего!

– Какой же ты негодяй... – с отвращением произнесла она.

– Ты о чем? – удивленно воззрился на нее Дима.

– Все у меня выпытал!

– Да не бойся ты, Надька! – беспечно махнул рукой журналист. – Ты что решила: я тебя подставлять стану? Да никогда в жизни. И потом, эти твои детали ограбления – перерезали сигнализацию, не заперли с ночи сейф – мало кого волнуют. Публике интересно другое: сколько эти книжки стоили. И – кто украл. Как думаешь: ведь был наводчик из своих?

– Ничего я тебе не скажу. Дурак!

– Тогда я тебе скажу: наверняка был, – спокойно, проигнорировав ее оскорбление, продолжил Полуянов. – И вот тебе ясная и простая картина преступления. Сам могу нарисовать. И никаких мне сплетен ни от тебя, ни от Дарьи Михайловны не надо... Итак: вор приходит в библиотеку вместе с посетителями. Где-то здесь прячется и остается на ночь. Его сообщник, из числа персонала, отключает под вечер сигнализацию, а потом они оба взламывают дверь в отдел редкой книги – кодовые замки у вас тут дрянь... Заранее сделанным дубликатом ключа воры открывают сейф. А может, этот сейф вообще был открыт. Потом разбойники выкидывают книжонки в окошко, спускаются по пожарной лестнице сами и подбирают книжки. Подобное преступление было в девяносто шестом году в одной питерской библиотеке. Там воруго по

подложному паспорту специально на работу устроился – уборщиком. Все разведаль, перерезал сигнализацию, украл ночью книг на кучу долларов... А потом сам же себя и выдал. На следующий день после ограбления не вышел на работу, дурачок. И тем навлек на себя несмываемые подозрения. И хоть паспорт у него был фальшивый, менты его все-таки нашли. И посадили... Ну, Надежда, кто кого использует: я – тебя или ты – меня? Вон я тебе сколько информации выдал. Можешь щегольнуть среди своих.

– Сам щеголай, – огрызнулась Надя. – На страницах любимой газеты.

– И щегольну. Что ты думаешь! Осталось главное: узнать, сколько эти книги стоили. Поразить читателя цифрой. «В историко-архивной библиотеке украли книг на сто миллионов долларов!» А ведь тут, какую цифру ни поставь, все будет правдой. Книжки – вещь эфемерная. Тот человек, кому они действительно нужны, и миллион долларов за них может заплатить. А может – и десять «лимонов». А тот, кому они по барабану, – за них и копейки не даст. Вот в чем главная сложность таких ограблений – сложность для воров, я имею в виду. Книжки не деньги. Не золото, не бриллианты. И даже не картины. Книжки – товар очень и очень *малоликвидный*. Они, если украдены, нужны только одному человеку. *Заказчику*. Вот на кого надо выходить. Если он был, конечно. Это даже мильтоны понимают. С ними-то я уже говорил. А если заказчика не было, а книжки воровали просто так, наудачу, дело раскроют в два счета. Рано или поздно ворюги сведут библиотечные штампы и понесут книжки букинистам. А милиция букинистов предупредит. Те – стукнут. Тут-то голубчиков и сцапают.

– Мне пора, – напомнила Надя. Но из-за стола не встала (хотя надо бы).

– Сиди, – приказал Дима и накрыл ее руку своей лапой. И продолжил болтовню: – А то, знаешь, был недавно случай: два дурака-студента вынесли из Ленинки, засунув в брюки, «Пустынников» и «Лакированное трио» Алексея Крученых. «Пустынники», между прочим, с литографиями Малевича. Без всякого заказа воровали. Просто слышали студенты, что книжки вроде редкие. Конечно, редкие: знающий человек за них и по десять штук зеленых даст. Да только не нашли они, эти студенты, знающих людей. И не могли найти. И продали книжки антикварному магазину на Арбате – за сто рублей каждую. За сто рублей! Антиквары на них же настучали милиции, и студентов повязали. Бездарная работа!.. Если ваши воры из таковских – дела их дрянь.

– Я пойду, Дима, – сказала Надя, наконец подымаясь. – У меня работа.

– У меня тоже. Так вот я и говорю: надо искать заказчика. Если он есть, конечно. И еще – следует вычислить наводчика. Вашего человека. Он-то наверняка в библиотеке работает. Если, конечно, он, как тот дурак в питерской библиотеке, еще не сбежал.

– Ты думаешь, был наводчик – из наших? – усомнилась Надя.

Они уже шли к выходу из буфета. Буфетчицы провожали парочку завистливыми взглядами.

– Я никогда ничего не «думаю», – вздохнул Полуянов. – Я всегда во всем – уверен.

За дверью он положил Надежде лапищу на плечо, легко притянул ее к себе и поцеловал в губы.

Губы у Димки были очень нежными, а от лица пахло вкусным одеколоном. Так бы и стояла весь день рядом с ним.

– Ну, я побежал, – легко произнес Дима. – Мне еще заметку в номер писать.

Глава 3

ДМИТРИЙ ПОЛУЯНОВ

Месяц спустя

Дима и думать забыл об ограблении в историко-архивной библиотеке. Он написал тогда о происшедшем проходной репортажик в номер – на двести строк. При верстке его ужали до ста пятидесяти.

Заметку опубликовали. На летучке сказали: «Добротнo, профессиональнo», однако «балл» и премию в тысячу рублей за лучшую публикацию номера не дали. Да Дима особо и не рассчитывал. Весь прошедший месяц Дима, просматривая тассовские и интерфаксовские сводки и новостные серверы в Интернете, имел в виду ограбление в Историчке. Он непременно обратил бы внимание, если бы по делу появилось что-то новенькое. Однако ничего не появлялось.

Он пару раз звонил Надежде домой. Предлагал встретиться – впрочем, предлагал довольно вяло. Она, видно, чувствовала его не слишком горячую заинтересованность и от встреч уклонялась – под благовидными предлогами типа курсовика или генеральной уборки. В телефонном разговоре Дима старался быть милым, любезным, остроумным. Исподволь выяснял по ходу дела: что слышно в самой библиотеке насчет ограбления. Выяснялось (со слов Нади), что не слышно ничего. Приходил пару раз следователь. Со всех сотрудников, и с Нади тоже, снял «объяснения». И – все. И – тишина. И – молчок.

На Восьмое марта Дима послал Надежде на домашний адрес (через фирму, найденную в Интернете) корзину цветов – без открытки, без карточки с подписью. Однако был немедленно расшифрован (не слишком много, видно, у Надежды поклонников). Она позвонила ему и долго горячо благодарила. Во время излияний благодарности у нее вырвались слова – похоже, от всего сердца: «Ты же мой самый лучший друг!..»

После сего звонка Дима решил быть с Надей настороже. «Девчонка она, конечно, неплохая, – рассудил он. – Можно сказать, даже очень хорошая. Но мне вовсе не улыбается перспектива в один прекрасный день проснуться окольцованным».

Словом, за месяц, переполненный обыденной газетной поденщиной, Дима почти успел забыть похищение из историко-архивной библиотеки. И вдруг, под конец дня двенадцатого марта, раздался звонок по местному телефону.

Звонила секретарша главного.

– Полуянов, срочно к редактору! – почти выкрикнула она напряженным голосом.

Секретарша была основным рупором редактора. Она всегда с чуткостью домашнего животного улавливала своими особыми, необыкновенно развитыми рецепторами настроение босса. И ретранслировала это настроение (даже с усилением!) всем прочим сотрудникам. Был редактор благодушен – и она оказывалась добра и мила. Пребывал не в духе – и она делалась строгой, суровой, неразговорчивой.

По нынешнему настроению секретарши Дима немедленно понял: что-то случилось. И откликнулся на звонок со вздохом, без обычных своих шуточек: «Иду, Марина Михайловна». По пути к начальственному кабинету попытался припомнить последние свои прегрешения. Устроил безобразную пьянку во время дежурства неделю назад... В рабочее время в рабочем кабинете предавался сексуальным играм с машинисточкой... Перепутал в очерке имя-отчество заслуженного учителя... Любой из этих проступков – и еще десяток других, не замеченных даже самим Димой, – мог стать предметом разборки.

Полуянов печально вошел в приемную, печально поприветствовал Марину Михайловну. Затем тяжело вздохнул и вошел – нырнул в обширный начальственный кабинет.

Главный и впрямь был суров и сосредоточен. Отложил бумаги, встал, указал Полуянову на приставной столик. Сам вышел из-за своего обширного стола и уселся напротив. У Димы слегка отлегло от сердца. То был знак, что разговор предстоит неформальный.

– Это ты писал о краже в историко-архивной библиотеке? – вдруг хмуро спросил редактор.

– Было такое... – туманно ответил Дима.

«К чему он, интересно, клонит? Я что-то напортачил в заметке? Так ведь когда дело было! Чего он, спрашивается, ждал?»

– Грабителей, кажется, до сих пор не нашли? – поинтересовался главный.

– По-моему, нет, Василий Степанович.

Редактор побарабанил пальцами по столу. После паузы вдруг спросил:

– А ты не хочешь, Полуянов, съездить в классную командировку?

– В классную? – переспросил Дима. Он понял, что нагоняя, кажется, не предвидится, и развеселился. – Это в Вятку, что ли?

– Нет. В Степлтон.

– В Сте... Куда? Не верю своим ушам. В *Стерлитамак*?

– Не паясничай, Полуянов, – строго сказал главный. – А то поедешь даже не в Стерлитамак, а в Ухту.

– Хорошо-с. Понял вас. Значит, в Степлтон, штат Вашингтон, США. А что мне там делать, в этом Степлтоне? То есть я, конечно, там готов делать все, что угодно...

– Работать там будешь. Работать. Собирать материал для статей.

– Благодарю за доверие... О чем будут статьи?

– Видишь ли, Дима, – сказал, тщательно подбирая слова, редактор, – проживает там, в Степлтоне, некая дама. Богатая. Даже – очень богатая.

– Хорошенькая?

– Возможно. Не надо перебивать, когда разговариваешь со старшими. Дурная привычка. Не способствующая продвижению по службе... Так вот она, эта богатая дама, проживающая в США, в последнее время, говорят, заинтересовалась древнерусской литературой. Настолько сильно заинтересовалась, что даже поселила в своем доме филолога – нашего, из России. Известного в узких кругах филолога, доктора наук. С чего, спрашивается, вдруг такое?... А филолог наш, похоже, живет у нее на всем готовом. Во всяком случае, он никуда из ее дома не выходит...

– Может, он у нее типа в плену? Прикован ржавыми цепями в мрачном подвале?

– Может, и так, – без тени юмора ответил главный.

– А может, у доктора наук с этой американской богачкой любовь? – азартно спросил раздухавшийся Дима. Ему изрядно понравилось, что ему, кажется, доведется ехать в Степлтон. И еще порадовало то, что перед ним, возможно, замаячила очередная тайна. Тайна, которую он сумеет разгадать – и сделать сенсационный репортаж.

– Да вряд ли между ними любовь... – покачал головой главный. – Нашему филологу семьдесят два года.

– А что тогда, если не любовь?

– Говорят, у нее наши историко-архивные рукописи видели.

– Значит, вы, Василий Степанович, хотите сказать, что это она, американская богачка, скоммуниздила рукописи из нашей Исторички? А теперь украла нашего филолога, чтобы он эти рукописи исследовал? Приводил в товарный вид?

– Я сказал тебе только то, что стало известно.

– *Откуда* стало известно? И стало известно – *кому*?

– Стало известно компетентным органам. – Начальник глянул на журналиста тяжелым взглядом.

– «Компетентным»? С каких пор эта наша ФСБ стала интересоваться *древними* рукописями? Она же всю жизнь *очень современными* рукописями интересовалась...

– Ты очень болтлив, Полуянов. Не лучшее качество для журналиста.

– Понял. Виноват. Исправлюсь... Только еще один вопрос. С каких пор вы, Василий Степанович, работаете на *компетентные органы*?

– Ты еще и слишком любопытен, Полуянов.

– По-моему, хорошее качество для репортера.

– Не в отношении с начальством... Ладно, удовлетворю твоё любопытство. Я, как ты знаешь, играю в теннис. С очень разными людьми. В том числе с одним генералом. Из *компетентных органов*. Вот этот генерал мне как бы между прочим об этом и упомянул. И добавил, что его людям в Степлтоне некогда заниматься какими-то рукописями. Им дай бог успеть уследить за «Майкрософтом» и «Боингом».

– И вы с генералом решили использовать в качестве секретного агента меня...

– Ну, по поводу «секретного агента» ты не обольщайся...

– А в качестве кого я тогда поеду в Степлтон?

– В качестве того, кем ты являешься, – спецкора «Молодежных вестей». Придумай себе пару-тройку тем. Можешь постараться взять интервью у той бабы-богачки. И заодно – что-нибудь разнюхать насчет рукописей. Только – очень аккуратно. Предельно аккуратно... Командировку подпишу тебе я.

– Понял. А у меня будут связные, пароли, явки?

– Ты что, Полуянов, совсем больной? Или прикидываешься?

– Ясно. Значит, я буду работать в одиночку. Как Бонд. Джеймс Бонд.

– Для Бонда ты слишком поверхностен. И, извини, болтлив.

Дима пропустил мимо ушей суровую отповедь и быстро спросил:

– Как звать расхитительницу гробниц? То есть – рукописей?

– Шеви.

– Как?

– Пола Шеви. Как «погоня»².

– Или модель джипа... А кто такой этот русский филолог, проживающий на ее харчах?

– Его фамилия Васин. Николай Петрович Васин. Доктор наук, профессор.

– А больше нет никаких наводок, что это именно она, Пола Шеви, свистнула рукописи?

Редактор секунду поколебался, но ответил:

– Никаких.

– А могу я взять с собой в Америку помощника? – быстро спросил Дима. – А то ведь я в этой русской литературе ни бум-бум. Сплошные трояки на «факе» были. И если вдруг даже сами рукописи увижу – ни за что не опознаю... А с помощником... Смотрите, Василий Степанович, какая получается выгода: поедет со мной специалист. Сможет по ходу дела дать любой совет... Какая разница, в конце концов: одну командировку в Степлтон вам оплачивать или две...

– Ты, Полуянов, очень наглый. Это тебе мешает.

– Понял ход вашей мысли. Можете, Василий Степанович, дальше не продолжать. А если я возьму с собой специалиста по древнерусской литературе за свой счет?

– Твой «специалист» – женщина?

– Вы меня обижаете! Не мужчина же!..

– Кто такая?

² От английского «chevy» – охота, погоня.

– Митрофанова Надежда, – быстро сказал Дима. – Старший библиотекарь той самой историко-архивной библиотеки. Семьдесят девятого года рождения, не замужем. Хорошо готовит.

Редактор поразмышлял секунд десять, потом заявил:

– Если за свой счет – тогда бери кого угодно. – Он поморщился. – Только не болтай ей много... Давай, садись, прямо при мне пиши заявление на командировку. – Спецрасходы предусмотрены? Чтоб напоить там кого-нибудь? Соблазнить, сделать подкоп?

– Это, Полуянов, *обычная командировка*, – подчеркнуто устало произнес редактор. – Пятьдесят долларов суточных. И чем меньше ты будешь болтать о своей настоящей цели, тем будет лучше: для тебя самого и для нас. Для всех. А лучше – вообще не болтать. Понял?

– Так точно.

– Загранпаспорт у тебя с собой?

– В моем кабинетике в сейфике.

– Быстро принеси его мне. Я сам похлопочу, чтобы тебе по возможности скорей дали визу. А Марина Михайловна позаботится о твоём билете. И учти: от *обычных* статей тебя в этой командировке никто не освобождает. Сделаешь как минимум две. Про них и пиши в заявлении на командировку. О миллионерше и книгах не упоминай. Все!..

Главный хлопнул ладонями по столешнице, встал. Подошел к своему обширному, заваленному бумагами столу, вытащил чистый листок, протянул его Диме.

– Может, мне написать заявление на имя директора СВР? – елейным голоском спросил Полуянов.

Главный только скислился, словно лимон съел.

* * *

К себе в кабинетик Дима вернулся окрыленный. Вот как бывает: идешь к главному за пенделями – а получаешь командировку в Штаты. Тем и хороша журналистская жизнь. (Правда, пендели в ней, надо признать, все-таки случаются куда чаще, чем загранпоездки.) Дима шел по коридору, улыбался и шептал про себя стишок из репортерского фольклора советских времен. Непонятно, правда, почему стихи всплыли в памяти – прямого отношения к случившемуся они вроде не имели:

Жизнь у журналиста переменчива —
Вот и дрогнуло в руке моей перо.
Позади – беременная женщина.
Впереди – партийное бюро.

Открыл кабинет, уселся в кресло, а сам все бормотал: «*Жизнь у журналиста переменчива...*»

Набрал рабочий телефон Нади. «И впрямь, одному ехать скучно. Почему бы ее с собой не взять? Будет мне носки стирать, кофе по утрам заваривать... К тому ж она и вправду в отличие от меня в этих дурацких древнерусских рукописях разбирается... Я хорошо зарабатываю, мою последнюю документальную книгу в Германии напечатали... Неужели я не могу себе позволить эту маленькую прихоть – повезти на свои деньги спутницу в Степлтон?»

Надежду подозвали к телефону быстро. Дима в этот раз говорил с нею чрезвычайно настойчиво и убедительно, и Надя быстро согласилась встретиться с ним: после работы, в девять пятнадцать вечера, на ступеньках у входа в библиотеку. «Поедем где-нибудь поужинаем...» – небрежно бросил на прощанье Дима.

Так. Одно дело сделано. Теперь – эта американская богачка. Как там, главный сказал, ее зовут? Шеви. Мадам Пола Шеви. Как «охота» или «Шевроле»...

Диме представилась старушонка с худыми жилистыми лапками. Лапки усыпаны старческой «гречкой» и унизаны бриллиантовыми перстнями. «Наверное, ослепительные вставные фарфоровые зубы и фиолетовые букли... Чего ее, спрашивается, в Россию понесло? Зачем ей древнерусские рукописи?»

До свидания с Надей оставалось еще пять часов, и Дима поступил радикально. Во-первых, запер дверь своего кабинета изнутри на ключ. Во-вторых, переключил рабочий телефон на автоответчик, отключил мобильник и решил не отвечать ни на какие местные звонки. Он очень не любил, когда его отвлекают от Интернета.

Равно как и от любого другого занятия тоже.

Полуянов закурил сигаретку и вошел в Сеть.

Забрался на американский поисковый сервер, вбил в окошечко «Find»³ имя и фамилию: «Paula Chevy».

«Интересно, – подумал, – кто она: «Ms.» или «Mrs.»? Уж скорее всего «Mrs.»! Какая-нибудь восьмидесятилетняя вдовушка, пережившая всех мужей-магнатов. Увлечлась, стервь, на старости лет необычным коллекционированием: русской старины».

Тут поисковый сервер открыл ссылки на сотни – без преувеличения, сотни – интернетовских страниц, где упоминалось словосочетание «Paula Chevy».

Впрочем, Дима ожидал большое количество ссылок на американскую миллионщицу. Имена тех, кто богат и знаменит, распространяются по Сети с пугающей частотой. Причем количество ссылок в зависимости от степени известности и богатства растет в геометрической прогрессии. Судя по количеству упоминаний, Пола Шеви действительно была и богата, и знаменита.

Дима стал просматривать краткие описания сайтов, где мелькало имя госпожи Шеви. Порой он мимоходом открывал те из них, которые, как ему на первый взгляд казалось, способны были дать об американской богачке наиболее исчерпывающую информацию.

* * *

В дверь трижды стучали. Дважды звонил местный телефон. Порой включался автоответчик на городском телефоне.

Дима не отвлекался на все эти глупости. Он изучал жизнь и судьбу американской богачки.

О Поле Шеви Голливуд еще не снял фильма. Но только потому, что она категорически отказывалась продавать права на экранизацию своей биографии – хотя продюсеры «фабрики грез» к ней подступали, и не раз. Сулили миллионы. И было за что. Жизнь миссис Шеви изобиловала яркими эпизодами, крутыми поворотами и мощными скандалами.

Довольно быстро Дима обнаружил в Интернете, что о Поле Шеви написано три документальные книги – причем одна из них разошлась тиражом, баснословным для Америки (и для подобного жанра): двести двадцать тысяч экземпляров.

Ни одна из трех биографий не была авторизована героиней – то бишь Пола Шеви сама не предоставляла авторам никакой информации о себе, не прочитывала окончательный текст и не визировала его. Однако – и в суд на писателей не подавала. Из чего Дима заключил, что в книгах о Шеви написана в основном правда.

Дима отыскал в Интернете одну из книг – ту, что оказалась самой продаваемой (благодаря тому же и самую короткую).

³ «Ищу» (англ.)

Американский электронный книжный магазин запросил с Димы за данный e-book⁴ пять долларов девяносто девять центов («воспользуйтесь, пожалуйста, вашей кредитной картой»). Кредитка «Виза» у Димы была – но русскому человеку, согласитесь, просто неприлично платить за Интернет! Задаром, что ли, наш Столяров⁵ в их тюрьме томился! В Димином компьютере имелаась программа, взламывающая пароли и-буков, – и он с о-огромным удовольствием (и даже злорадством) сей программой воспользовался.

Покуда в его компьютер перегружалась из Сети книга, Дима выкурил сигаретку и заварил кофе. Подошел к окну. Весна в этом году пришла в Москву необычно рано. Асфальт был уже весь сухой, и только на газонах лежали серые кляксы нестаявшего снега.

Дима вернулся к экрану в тот момент, когда загрузка книжки завершилась. Посмотрел – и обомлел. Книга называлась «Пола Шevi, похитительница миллионов». Но не броский заголовок привлек внимание журналиста, а фотография героини на обложке. На него смотрела женщина с длинными черными волосами и ослепительно голубыми глазами. Голубые глаза резко контрастировали со смолянными волосами и ярким загаром. Простое черное платье открывало исключительной красоты руки и плечи. Под тонким шелком платья (не меньше, чем от «Шанель») угадывалась красивая грудь. Вообще сложена была мадам Шevi великолепно. И лицо ее было безупречно. Выглядела она не на миллион долларов (как любят говорить американцы), а на все сто миллионов. Однако не исключительные фигура и лицо женщины более всего поразили Диму. Сильнее всего на него подействовала улыбка: как ни странно, не стандартно-американская – во все тридцать два зуба, старательно демонстрирующая достижения личного дантиста. Нет, улыбка Полы была скромной, загадочной, почти застенчивой. Если бы Дима давал подпись к этому фото в газете, он бы, пожалуй, назвал его: «Смущенная красавица».

«Сколько же ей, интересно, лет, если она разбогатела и о ней книги пишут?» – спросил себя Дима. Принялся листать (на экране монитора) книжку, и на первой же странице наткнулся на типично американский пассаж:

«Пола Шevi родилась в трейлерном городке близ Коламбуса, штат Огайо, где вагончики сдавались за пять долларов в сутки. У ее родителей не было достаточно денег и отсутствовала медицинская страховка, чтобы поместить мать будущей Полы в больницу, поэтому роды принимала мучимая похмельем соседка – когда-то, лет тридцать тому назад, работавшая акушеркой. И вот ранним утром 5 марта 1958 года окрестности трейлера, где ютилась семья Шevi, огласил мощный рев. «Девочка, – произнесла акушерка, – за это стоит выпить...»

«Пятьдесят восьмой год?! – чуть не вслух воскликнул пораженный Дима. – Она – пятьдесят восьмого года рождения? Ей уже за сорок?!. Ей, этой красавице с обложки? Не может быть!.. Наверное, она дала для книжки свою фотку двадцатилетней давности. У нас так пожилые журналистки поступают, когда секретариат иллюстрирует статью карточкой автора».

Дима полистал на мониторе электронную книгу. Обнаружил копирайт автора текста: 1999 год. А ниже – копирайт автора снимка, помещенного на обложке: год 1998-й.

Итак, когда эту Полу Шevi снимали, ей стукнуло сорок лет.

«Однако выглядит-то она на двадцать пять! – подумал Дима. – Ну, ладно: электронная ретушь, искажения экрана... Ну, хорошо: пластическая хирургия... Ну, допустим, массаж, диета, спорт, солярий, макияж... Но неужели эти женские штучки способны сделать даму на пятнадцать лет моложе?! Черт побери, как же она хороша!...»

⁴ «Электронная книга» (англ., сокр.)

⁵ Русский компьютерщик, создавший программу «свободного доступа» к электронным книгам и обвиненный за это в 2001 году американскими властями. Суд над Столяровым так и не состоялся.

Журналист вдруг почувствовал к женщине на фотке едва ли не физическое влечение. «Черт! Да такое со мной было, первый и последний раз, в четырнадцать лет – когда я в Ким Бесинджер на экране «видака» влюбился!..»

Чтоб побороть греховные мысли, Дима взялся читать текст.

Из текста выходило, что необычайная, яркая внешность Полы объясняется тем, что в ее жилах соединились четыре крови: польско-еврейская, итальянская, ирландская и, между прочим, русская. Дед ее, оказалось, был русаком. Звался Павлом Шевелевым. От него, кстати, и пошла ее фамилия. Прагматичные американцы усекли Шевелева на два слога – и вышло Шеви. Кстати, и имя миллионерши – Пола – выяснилось, имело русские корни. Своего сына Шевелев-Шеви назвал Питером или, по-русски говоря, Петром. Как писал американский автор, «у русских второе имя обязательно является именем отца, поэтому сочетание *Петр Павлович* в имени сына напоминало поручику Шевелеву-Шеви его далекую родину, где святые Петр и Павел являются одними из наиболее уважаемых, в честь них назван главный храм Санкт-Петербурга».

Кстати, Питер Шевелев – то есть Шеви, – в свою очередь, назвал девчушку-первенца в честь своего отца Павла. Благо по-американски девочку запросто можно было назвать «Полой», и звучало это благозвучней, чем русские «Павлина» или «Полина».

Итак, на самом деле, красавицу Полу Шеви вполне можно именовать Павлиной Петровной Шевелевой.

«Так вот почему госпожа Шеви увлеклась русскими рукописями! – подумалось Диме. – Если, конечно, *компетентные органы* не ошибаются и их украла именно она...»

Каким же ветром Павла Шевелева, деда героини, занесло в Америку? Да тем же, что и тысячи других эмигрантов первой волны, от Керенского до Рахманинова. Павел Шевелев, поручик белой армии, в одна тысяча девятьсот двадцатом году бежал из Крыма от наступавших войск Фрунзе. Послонулся по миру: Турция, Франция, Чехия, Германия. Всюду бедствовал. Наконец решил рвануть в поисках удачи за океан. Очутился в Сан-Франциско. Женился на другой эмигрантке в первом поколении – бывшей варшавянке Татьяне Варум. Приобрел во Фриско булочную. Родил сына Петра, то бишь Питера. А затем – разорился в тысяча девятьсот тридцать втором году, во времена Великой депрессии. И – сбежал из семьи. Родные более его никогда не видели.

Историю про другую, материнскую ветвь семьи Шеви Дима пропустил. И без того ему предстояло прочитать на мониторе более четырехсот страниц, да еще по-английски. Так и глаза сломать недолго.

Он мельком просмотрел историю сурового детства рожденной в трейлере маленькой Полы. С восьми лет она разносила газеты, стригла газоны, работала беби-ситтером... Родители, крепко пьющий русско-еврейский отец и не менее крепко зашибающая ирландско-итальянская мать, были классическими представителями класса, который в Америке презрительно называют *white trash*⁶. Ни дома, ни даже своей квартиры они не имели. Гонялись в поисках удачи по всем штатам, от солнечной Невады до сурового Орегона. Проживали в трейлерах. Мать с отцом работали мойщиками посуды, сезонными сельхозработниками, заправщиками на бензоколонках, живыми рекламными щитами... И – пили. Верх карьеры матери Полы – продавщица в галантерейном магазине. Высший взлет ее отца – ремонтник в захолустном автосервисе.

Казалось, юной Поле уготована самая печальная участь – на самом американском дне. Однако в тысяча девятьсот семьдесят шестом году, в возрасте восемнадцати лет, мисс Шеви поступает в колледж. Да не какой-нибудь, а в Беркли!.. Откуда же взялись деньги на обучение?

Юная мисс Шеви, невзирая на жите в трейлере, пьянство родителей и (порой) их побои, на удивление хорошо училась в школе. Практически по всем предметам в старших клас-

⁶ «Белая рвань» (англ.)

сах имела оценки «А», в редком случае «В»⁷. Являлась капитаном школьной волейбольной команды. И вдобавок заняла почетное четвертое место на всеамериканском конкурсе сочинений на тему: «Планета Земля: мое письмо представителям иной цивилизации». А работа Пола по социологии была отмечена девятым местом в соответствующей секции межшкольного соревнования американских старшеклассников.

Спортивные и главным образом научные успехи позволили Поле Шevi получить грант на обучение. Однако грант покрывал стоимость одной лишь учебы. А проживание в общежитии? Учебники? Питание, наконец?

Однако... Обучаясь в Беркли, мисс Шevi без видимого труда оплачивала все свои счета. Более того, поговаривали, что у нее в банке лежит сумма, которой вполне хватит, чтобы безбедно содержать себя до конца обучения.

«Откуда же у восемнадцатилетней девушки взялись такие деньги?» – риторически спрашивал автор книги.

«И в самом деле, откуда?» – подумал Дима.

Тут биограф госпожи Шevi становится чрезвычайно осторожным. Создавалось впечатление, что он словно бы идет по минному полю, и со словами обращается, будто они – неразорвавшиеся гранаты, из которых ему надо тихонечко, чтобы не оторвало рук-ног, сложить аккуратненький штабель. И так, писал биограф, много позже, когда Пола Шevi уже стала всеамериканской звездой, газета «Нейшн инкуайер» выступила с разоблачением: будущая миллионерша зарабатывала деньги на учебу в колледже работой в одном, скажем так, *заведении* в предместье Лас-Вегаса. В этом шикарном заведении, восемнадцатилетняя Пола не только исполняла... э-э... зажигательные танцы для мужчин, но и... Словом, в числе клиентов молодой красавицы оказывались солидные, богатые, деловые люди, она быстро достигла вершин *профессионального мастерства*, поэтому за два каникулярных лета ей ничего не стоило сколотить капитал в десять тысяч долларов. Этих денег (плюс гранты) с лихвой хватило в те времена на обучение в столь «продвинутом» заведении, как Беркли. «Вот молодец девах!» – восхищенно подумал Дима.

...После появления довольно-таки грязных статей о ее молодости (продолжал автор книги) со стороны миссис Шevi, в ту пору уже миллионерши, не последовало никакой реакции. Она не подала на редакцию в суд. Не выступила с опровержением. Ее дом осаждали журналисты – она никого не принимала. Наконец Пола согласилась дать интервью Ларри Кингу. Беседа Кинга с Шevi имела высочайший рейтинг. Вся Америка, казалось, прильнула к экранам. После нескольких вопросов «для разогрева» мистер Кинг приступил к главному. Он, пока словесных фехтований, решил сразу огорошить противницу прямым ударом в челюсть. И потому спросил: «Вы делали это?» И Пола, невинно хлопая голубыми глазами, на всю Америку произнесла предложение, которое в значительно смягченном варианте звучало так: «А кого это волнует?» (Естественно, английский глагол «волнует» в ее исполнении начинался на букву «f».)

– Вы раздевались перед мужчинами? – наседал Кинг.

– Да, вчера, например, перед своим мужем, – улыбаясь, отвечала Пола.

– Я поставлю вопрос конкретней: тогда, в одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году, вы трахались... – (Кинг намеренно использовал то же самое грубое слово, начинающееся на «f», которое только что употребила Пола, – ...за деньги с мужчинами?)

И тут «малютка Шevi» невинно улыбнулась и сделала длинную-предлинную паузу (*«в течение которой, – писал автор книги, – сердца американцев стучали громче, чем в момент приземления экипажа Армстронга на Луну»*). Затем она поменяла позу – переложила одну ногу на другую, причем так, что миллионам телезрителей на секунду стали видны подвязки ее

⁷ «А» соответствует нашей «пятерке», «В» – «четверке».

чулок. (Впоследствии сей жест творчески разовьет госпожа Шэрон Стоун в фильме «Основной инстинкт».) И только затем (*«когда суммарная доза адреналина, выделившаяся в организмах мужчин-американцев, зашкалила за десятки галлонов»*) миссис Шеви потупилась и скромно и коротко сказала:

– Да.

– Ай молодец! – воскликнул Дима, который об этой истории слышал впервые.

...В том же году, когда состоялся знаменитый сеанс разоблачения с Ларри Кингом, миссис Шеви была признана самой сексуальной женщиной Америки. Под ее фразой («А кого это волнует?»), ставшей лозунгом, по стране прокатились демонстрации феминисток – они отстаивали права женщин на свободную, наравне с мужчинами, добрачную жизнь.

Однако тут автор книги «Пола Шеви, похитительница миллионов» признался, что несколько забежал вперед, и возвратился к тем временам, когда Пола поступила в Беркли.

Училась она блестяще, продолжал автор. Однако ей были не чужды и обыкновенные студенческие радости. К примеру, одно время она, что называется, хипповала. Жила в коммуне из пяти человек: трех парней и двух девчонок. Трижды задерживалась полицией: за хранение марихуаны и распитие спиртных напитков в общественных местах. Участвовала в демонстрациях за равные права гомосексуалистов и лесбиянок (и за это также была однажды задержана полицией). Однако училась она великолепно, и в тысяча девятьсот восьмидесятом году получила диплом Беркли по специальности «маркетинг». Получила третьей – причем именно ей доверили произнести на выпускном вечере приветственную речь в адрес профессуры.

Произошли во время ее учебы еще два события. Первое – вполне предсказуемое: в трейлере, находившемся на стоянке близ города Каспера, штат Вайоминг, сгорели мать и отец Полы. Причина их гибели была банальна: отец курил в постели, выдув предварительно едва ли не галлон дерьмового виски. Как потом признавалась миссис Пола Шеви в одном из интервью, прощалась она с родителями *«с горечью, но без особых страданий – потому что я знала, что нечто подобное когда-то должно произойти, и оплакала мать и отца заранее»*.

Второе событие времен студенческой калифорнийской жизни оказалось для Полы судьбоносным. Она познакомилась с братьями Джоном и Стивеном Макфарлинами. Впоследствии имена Джона и Стива, равно как и название основанной ими компании – «Макфайер», – стали известны всей Америке.

«Да и я, черт побери, – подумал Дима, – это название слышал».

...Однако тогда, в далеком семьдесят седьмом году, эти два парня, братья-погодки, были типичными «яйцеголовыми» студентами математического факультета. Они оба до безумия были увлечены математикой, кибернетикой и теорией управления. В гараже родительского дома братья мастерили «нечто» (как они говорили). А именно – аппарат, который должен был перевернуть представления Америки и всего человечества о вычислительной технике.

«...Гадать о том, что нашла яркая и бедовая Пола Шеви, – продолжал автор, – в двух братьях, не умеющих повязать галстук, не любящих стричь ногти и мыть голову, – не приходится. Дело в том, что они были гениями. А ее всю жизнь тянуло к гениям – потому что она тоже была гением в своем роде... Семьдесят восьмой год, – писал автор биографии, – ознаменовался несколькими знаменательными событиями. Первое – была зарегистрирована компания «Макфайер» (в которой по сорок процентов капитала принадлежало братьям Макфарлинам, а двадцать – Поле Шеви). Второе – компания выбросила на рынок абсолютно новый продукт, получивший название «личный компьютер». А третье – двадцатилетняя Пола Шеви сочеталась браком с младшим из братьев Макфарлинов – Стивеном».

Тут же в книге имелась электронная фотка: серьезная Пола в подвенечном платье и ее не менее строгий, но отчаянно молодой супруг по имени Стивен.

Далее автор биографии писал:

«Притом что братья Макфарлины были в своем роде гениями, им вряд ли удалось бы продать даже холодильник в пустыне Сахара, причем со скидкой девяносто процентов. В то же время Пола Шеви была из тех, кто сможет продать холодильник на Аляске, причем с наценкой двести процентов».

Далее автор уделит не менее сорока страниц описанию производственных успехов компании «Макфайер». По его разумению выходило, что всеми своими достижениями фирма обязана именно миссис Поле Шеви-Макфарлин. Пола устраивала презентации, писала тысячи писем, лично выступала в местах продаж... Впрочем, сорок страниц благостного капиталистического очерка Дима пролистал почти не глядя. Единственное, что его впечатлило, это цифры. За первый год своего существования «Макфайер» продала всего девять своих «личных компьютеров» и понесла убытков более чем на пятнадцать тысяч долларов. За второй год – фирма реализовала около тысячи аппаратов и получила примерно двадцать тысяч прибыли. Третий год принес около пятисот тысяч прибыли. А четвертый – уже свыше пятидесяти миллионов «зелеными» (после уплаты налогов).

И вот тут произошло событие, которое впервые приковало внимание всей Америки к миссис Шеви и сделало ее, вкуче с ее мужем, героиней всех без исключения газет, от таблоидной «Нэйшн инкуайер» до благородной «Вашингтон пост».

История случилась одной осенней ночью в богатом пригороде Сан-Франциско, куда переехали жить братья Макфарлины и Пола. Братья не пожелали проживать вдалеке друг от друга – поэтому дом, который занимал старший – холостяк Джон, – помещался поблизости от особняка, где жили Стивен и его молодая супруга Пола. Однажды, двадцать третьего октября тысяча девятьсот восемьдесят второго года, около двух часов ночи, на пульт службы «девять-один-один» поступил тревожный звонок. Звонили из дома, который занимали мистер Стивен Макфарлин и его супруга миссис Пола Шеви. Звонил Стивен: «Я слышу стрельбу!.. Я слышу стрельбу в доме моего брата!..» – запечатлела пленка его взволнованный голос. Диспетчер посоветовал ему ничего не предпринимать, оставаться на связи и заверил, что через пару минут к месту события подъедут полисмены. Стивен растерянно положил трубку. Он не сказал Службе спасения, что пару минут назад его супруга Пола, вооружившись личным «магнумом», бросилась в сторону дома, который занимал ее деверь. А еще через пару минут в саду особняка раздались три выстрела.

Еще через несколько минут к коттеджу подъехал наряд полиции.

Копы обнаружили следующую картину: в своей холостяцкой спальне на полу лежал одетый в пижаму старший брат – Джон Макфарлин. Вокруг него расплывалась лужа крови. В руке он сжимал пистолет. В пистолете не хватало двух пуль, две гильзы валялись рядом. Окно в спальню было разбито. Веяло влажным океанским бризом. На полу, среди осколков стекла, валялись две гильзы от пистолета другого калибра. Как впоследствии установила экспертиза, они соответствовали тем двум пулям, которыми был напавал убит несчастный Джон, старший из братьев Макфарлинов.

В саду нашли труп чернокожего подростка – на вид не более шестнадцати лет. (В дальнейшем выяснилось, что на самом деле ему двадцать один, и он уже дважды был судим.) Рядом с телом афроамериканца лежало то самое оружие, из которого был застрелен в своей спальне Джон Макфарлин. А над убитым худеньким черным парнем рыдала (в халатике на голое тело, с «магнумом» в руках) безутешная Пола Шеви.

Вот такую мизансцену застали ворвавшиеся в дом и сад полицейские. Все было кончено.

Впоследствии на основании показаний миссис Шеви и ее супруга мистера Стивена Макфарлина была воссоздана картина преступления. Полисмены пришли к выводу, что, рассчитывая пожить в богатом особняке, двадцатиоднолетний наркоман афроамериканского происхождения проник в дом, где проживал старший из братьев – Джон. Грабитель, видимо, полагал, что хозяин находится в отъезде (тем более что «Камаро» хозяина не было на подъезд-

ной дорожке – Джон три дня как сдал автомобиль в ремонт и передвигался по городу на такси). Однако старший брат неожиданно для преступника оказался дома. И не просто оказался дома, но встретил грабителя с оружием в руках. Чернокожий наркоман, недолго думая, выстрелил в хозяина. Одна пуля попала Джону Макфарлину в голову, вторая – в грудную клетку. Обе раны были смертельными.

Именно эти выстрелы услышала в своем доме миссис Шеви. Она еще не спала – засиделась с документами глубоко за полночь. Она разбудила мужа криком: «Звони девять-один-один, у Джона в доме стрельба!» Сама же схватила один из зарегистрированных на ее имя пистолетов и побежала в сторону особняка старшего Макфарлина. На полпути к дому она почти нос к носу столкнулась с убийцей. В его руках блеснул пистолет. Пола немедленно открыла огонь и тремя выстрелами убила грабителя.

«Во дает дамочка!» – восхитился Дима.

«...Дело имело оглушительный резонанс, – продолжал биограф госпожи Шеви. – Все американские телестанции, все более-менее значимые газеты послали в Сан-Франциско своих репортеров. О двойном убийстве писали даже в Польше, где царило военное положение, и в коммунистической России. Дело оказалось интересно буквально всем. Каждый находил в нем нечто созвучное своей душе. Одни – то, что молодой афроамериканец был убит в богатом белом квартале. Другие – то, что трагедия разыгралась, по сути, внутри одной семьи. Третьи – то, что эта семья имела совокупный доход, исчисляемый цифрой с семью нулями. Четвертые – что был убит один из совладельцев самой быстрорастущей компании в Америке...»

Под нажимом общественного мнения дело расследовалось с особой тщательностью. За него взялись лучшие прокурорские и адвокатские команды. До суда Полу отпустили под залог в три миллиона долларов. На работе она взяла бессрочный отпуск. Наконец двадцать второго августа восьмидесятого третьего года начался суд. На слушаниях в суде присяжных достоянием общественности стали любопытные факты. Например, родители застреленного наркомана утверждали, что однажды они видели своего сына «в обществе богатой, очень хорошо одетой белой леди». Впрочем, опознать в той женщине именно Полу родители наркомана так и не смогли. Плюс к тому – один из дружков погибшего утверждал, что парень в вечер перед преступлением хвастался, что, дескать, получил аванс в пять «косых» за одно «плевое дельце».

«Нутром чую, – прошептал про себя Дима, – это – Пола! Пола подстроила убийство своего деверя! Ну и стерва!..»

«...Впрочем, – продолжал автор, – никаких дополнительных доказательств двум упомянутым фактам найдено не было. Никто не видел тех пяти тысяч, которые якобы получил убитый афроамериканец. Никто, кроме родителей застреленного наркомана, ни разу не наблюдал его в обществе белой женщины – тем более богатой (или похожей на Шеви). В итоге большое жюри (в составе которого было четверо афроамериканцев) вынесло тридцатого августа восьмидесятого третьего года в отношении миссис Полы Шеви-Макфарлин единогласный вердикт: «Невиновна!»

Дима, читавший последние страницы с особенным вниманием, откинулся в кресле и закурил. «Ну и дела!.. Ставлю серебряный доллар против медной копейки – это Пола все подстроила!.. Нашла негра-наркомана... Навела его на дом деверя: мол, лезь в особняк, грабь на здоровье, никого внутри не будет... А потом, когда тот с испугу застрелил несчастного Джона в пижаме, она сама пришила в саду негра-грабителя... И концы в воду. Что за дьявольская баба!.. Интересно: а муженек ее, Стивен, знал, что она готовит убийство его брата Джона? Или она все провернула сама?.. И еще: мотив? Зачем ей (одной или на пару с мужем) понадобилось убивать старшего братца?»

Ответ нашелся страниц через пять. (До того в книге описывалось, что Пола после суда продлила свой отпуск и совершила, в полном одиночестве, четырехмесячную поездку по Европе – в числе других стран, кстати, посетила СССР.)

Ответ на вопрос о мотиве убийства Джона Макфарлина оказался (по мнению Димы) следующим: долю убитого Джона в компании «Макфайер», а именно сорок процентов, в конце восьмидесяти третьего года поделили между собой в равных долях Стивен Макфарлин и Пола Шevi. Таким образом, они, муж и жена, стали единственными владельцами «самой перспективной компании Америки». При этом доля младшего брата в «Макфайере» составила шестьдесят процентов, а доля его жены, Пола Шevi, – сорок процентов. Ну а чистая прибыль компании «Макфайер» за восьмидесяти третий год (несмотря на то что Пола практически не занималась делами) достигла шестидесяти пяти миллионов долларов. Пола Шevi тогда исполнилось двадцать пять лет...

«Хорошо в Америке быть богатой и белой, – цинично подумал Дима. – Лучше – чем бедным негром». Чтение его захватило. Он хотел продолжать и дальше, но глянул на часы в углу экрана. О боже! Уже без четверти девять! История американской миллионерши его настолько увлекла, что он совсем забыл о времени. И о том, что на девять пятнадцать договорился с Надей: он подхватит ее у выхода из библиотеки! А еще ехать! Дима спешно надел куртку, правда, не забыл на ходу перекинуть жезлописание госпожи Шevi на пару дискет и бросить их в сумку.

Открыл дверь в коридор, огляделся. Несмотря на поздний час и то, что номер уже подписали, редакция еще жила. Из комнаты напротив раздавался гул разгоряченных голосов. Кто-то стремительно следовал в туалет. По коридору брела, взявшись за руки, парочка.

Никем не замеченный, Дима стремительно понесся к лестнице. На ходу набирал на мобильнике рабочий номер Надежки. Телефон не отвечал. То ли уже ушла, то ли отправилась в хранилище – талмуды свои относить. А сотового телефона у Надежды, конечно, не имелось. Куда ей, с ее-то доходами!

Дима выскочил на улицу. Отпер свою «шестерочку», забросил в салон сумку, сел за руль. Резко тронулся с места – едва не заглох. У него еще был шанс успеть на встречу вовремя – если вдруг не будет пробки на Тверской. Дима терпеть не мог опаздывать на какие бы то ни было свидания, даже личные – журналистская привычка не позволяла. Хотя безответная Надюха его, конечно, подождет, и даже упрекать не станет...

Очень быстро Дима доехал переулками до Белорусского вокзала и сразу понял, что его слабая надежда на «беспробочное» движение не оправдалась. По Тверской машины плелись по направлению от Белорусской к Кремлю со скоростью три километра в час. Дима занял место во втором ряду – вроде бы там машины ехали быстрее, чем в других. Радостные пешеходы без труда обгоняли по тротуару вереницы автомобилей.

Делать нечего. С тем, что ты не можешь изменить, надобно смириться, и Полуянов вытащил из сумки диктофон и принялся наговаривать краткие заметки о Поле Шevi.

«Завтра отдам девчонкам в машбюро распечатать, – подумал он. – Пригодятся мне в Америке».

После Маяковки движение вроде бы пошло повеселее. Крейсерская скорость достигла двадцати километров в час. Дима подумал было, что, пожалуй, поспеет вовремя – однако на выезде к Манежу его «шестерка» снова уткнулась в непроходимую стену из авто. Он медленно проехал мимо гостиницы «Москва», затем мимо «Метрополя». Круглые часики на приборной панели показывали уже двадцать пять минут девятого. Он оказался в ловушке, стиснутый сзади и спереди автомобилями. И, как назло, ни единого места для парковки.

Наконец – Лубянка. Сволочные машины тащились еле-еле. Дима уже бросил свой диктофонный конспект, плелся в правом ряду и только высматривал местечко, чтобы запарковаться. И вот – удача. Со стоянки начал неуверенно выезжать «Рено Меган». Дима резко тормознул, уступая ему дорогу. Сзади возмущенно загудели. Журналист включил «аварийку» и дважды дружелюбно мигнул «Рено» дальним светом: не бойся, мол, я тебя пропускаю. «Рено», ведомый пугливой блондинкой, вырулил со стоянки. Дима занял освободившееся парковочное

место. Выскочил из машины, быстро закрыл ее и побежал по тротуару к метро «Китай-город». Весело обогнал «Меган», теперь парящийся вместо него в пробке, и сделал ручкой водительнице-блондинке. Та насупилась и отвернулась.

* * *

На randevу с Надеждой Дима опоздал на двадцать минут. Надя стояла на ступеньках библиотеки расстроенная. Дима подбежал, запыхавшись, с размаху пал перед ней, невзирая на сор, на одно колено и продекламировал:

С часами я вечно в разладе —
Прости меня, милая Надя!

Надька не выдержала, улыбнулась. Огляделась по сторонам: не видит ли кто из знакомых. Принялась поднимать его:

– Вставай, дурачок! Грязища!..

Он послушно встал с колена.

– А стихи так себе, – довольно-таки нагло заявила Надежда. – На троечку с плюсом. С размером просто беда.

Дима сделала вид, что поражен ее критикой в самое сердце. Лицо его трагически искривилось.

– Погиб Поэт, невольник чести, – продекламировал он, – пал, оклеветанный молвой...

– Прекрати паясничать, – строго, на правах подруги детства, заявила Надя. – Лучше говори: зачем приехал.

– Ни за чем. Увидеть твои ясные взоры. И синие твои очи.

– Ох, не верю, – покачала головой Надежда, однако опять улыбнулась.

– Правда. Соскучился, – соврал Дима. – Захотел повидаться. Поговорить.

– Ну говори.

– Пойдем лучше посидим куда-нибудь. Здесь есть неплохой клуб. Поболтаем, текилы выпьем.

– Ну пойдем. Веди.

* * *

Они отправились пешочком в клуб «Старая площадь» в Большом Георгиевском переулке. Дима опять соврал. Он выбрал клуб не оттого, что считал его в самом деле хорошим, а потому, что тот оказался ближе других к припаркованной на Лубянке его машине. «Чего зря по Москве башмаки топтать, – справедливо рассудил Дима. – Выйдем из клубешника – и сразу в авто».

В клубе пока было мало народу – хоть и доносилась снизу, из подвала, разухабистая ретро-песня: «Хей-хей, Распутин – рашен лавер, секс-машин...» Основные посетители съедутся сюда к полуночи: молоденькие девчонки – чтобы *сниматься*, «быки» в цепурах и топ-менеджеры в галстучках – чтобы *снимать*.

Дима с Надей туда, где гремела музыка, не пошли. Уселись на первом этаже, за столик у окна. Надя решительно отказалась от текилы. Дима заказал ей и себе по маленькому бокалу пива. Вдобавок попросил шашлык из осетрины для себя и свиную отбивную – для Нади. На первом этаже они были одни, но, невзирая на это, официантки передвигались медленно, с чувством собственного достоинства. Дима вытащил сигареты, закурил. Надя в клубе совсем не тушевалась, хотя одета была по-офисному, а совсем не по-клубному – да и дешево. Дима

рассказал пару свежих анекдотов – в редакции они водились в несметном количестве. Надька самозабвенно хохотала.

Дима смотрел на нее и думал: «А она – замечательная девушка. Просто замечательная. Скромненькая, умненькая, однако с характером и принципами. Вот хорошая женушка кому-то будет!.. А почему – «кому-то»? Почему – не мне?.. Она, по-моему, готова – только свистни. И она, прошу заметить, куда как лучше всех моих подруг-журналисточек – с их ограниченными способностями и неограниченной любовью к себе и самомнению. Почему бы мне не взять – и не жениться на Надьке? Борщи будет варить, носки вязать и верно ждать меня из всех загулов и командировок... Мне ведь уже, слава богу, тридцатник. Пора остепениться». Но как только Дима на одну секунду представил себя женатым – бредущим в магазин за картошкой или, к примеру, выгуливающим коляску, – ему тут же стало так уныло, что он немедленно прекратил думать на эту тему, мысленно отряхнулся и сделал добрый глоток пива.

Пока готовилось горячее, Полуянов пересказал Наде сегодняшний разговор с главным редактором о любительнице русской старины Поле Шеви.

– Ого! – воскликнула Надежда. – Значит, это она, миллионерша, наши рукописи украла?

– Кто знает! Пока имеется один-единственный факт: у нее в особняке с недавних пор проживает некий филолог из России.

– И что дальше?

– А дальше – мне нужна твоя помощь.

– Это какая же? – нахмурилась Надя.

– Я еду в командировку. В Степлтон. В непосредственную близость к этой самой Поле Шеви. Буду там шнырять, изучать, разнюхивать: а она ли в самом деле рукописи украла? «Миссия невыполнима»!.. Прикинь: иду я по Америке, в черных очках. В наплечной кобуре – пистолет, в часах – лазер. Вылитый Джеймс Бонд!.. И, как натуральному агенту «ноль-ноль-семь», мне нужна «девушка Бонда». И эту роль я предлагаю тебе. – Повертел в руках вилку и добавил: – Интим не обязателен.

Он следил, как менялось выражение лица Нади – от недоверия к надежде.

– Ты серьезно?! – воскликнула она.

– Вполне. Понимаешь, ну что я там смыслю в древних книгах!.. Ни фига не смыслю. Даже не знаю, как они выглядят. От журнала «Тайм» не сумею отличить. У меня по русской литературе на «факе» вечно тройка была. И то – только потому, что я у одноклассницы, Маринки Коротченко, все списывал... А ты – специалист. И, можно сказать, представитель пострадавшей стороны.

– Ты хочешь сказать, что твоя редакция посылает нас вдвоем, тебя и меня, в командировку в Степлтон?

Тут принесли горячее, и, пока официантка расставляла тарелки, у Димы появился повод повременить с ответом. Он нахмурился. Сразу после разговора с главным он думал представить ситуацию Наде именно так: да, редакция оплачивает командировку им обоим. Но теперь, после заочного знакомства с госпожой Шеви... Теперь Дима почему-то (он и сам не мог понять почему) взял, да и ляпнул правду:

– Нет. Редакция посылает – *меня*. А я беру с собой – *тебя*.

– Что значит – «берешь»?

– Ну, я оплачиваю тебе билет, гостиницу... И все такое...

– Нет, так дело не пойдет, – сразу решительно заявила Надя.

– Но почему?

– Я что, похожа на содержанку?

– Содержанка, милая моя, выполняет услуги вполне определенного характера. От тебя они не потребуются.

– Нет, – сказала Надя. Это «нет» прозвучало более чем категорично.

– Но почему? Мы уже путешествовали с тобой на таких условиях!⁸

– Тогда ситуация была другая, – нахмурилась, сказала Надя. – Совсем другая.

– Ну... – протянул Дима. – Наше дело предложить, ваше дело – отказаться. Хорошо подумала? Уговаривать не буду.

Он вдруг против воли подумал: «А ведь если б я не прочитал сегодня про ту американскую стерву – я, наверное, уговаривал бы Надюху куда активней!.. Да что это со мной? Неужто я в миллионершу влюбился? Да еще – заочно? Да ведь она – старуха!.. Нет, это все чепуха. Просто... Зачем мне, говоря по совести, в Америке – Надя? Да еще – за мой собственный счет!.. Так, блажь...»

– Ладно. – Диме стало легче от того, что Надя отказалась. – Не хочешь – не надо. Но я надеюсь, ты поможешь мне здесь, в Москве?

– Это еще как?

– Ну, эта миллионерша не сама рукописи из вашей библиотеки вытаскивала. Наверняка была целая цепочка. Тот, кто ограбление организовал. – Дима загнул палец. – Тот, кто конкретно воровал. – Второй палец. – Тот, кто вывозил краденое за границу. – Третий палец. – И, наконец, у воров наверняка были наводчики в самой библиотеке. В *вашей* библиотеке. Без этого, я тебя уверяю, не обошлось. Так что присмотришь, пожалуйста, к вашим сотрудникам. А?.. Только аккуратненько, тихонечко, осторожненько... Давай сообща раскрутим это дело. Представляешь, какая будет сенсация: «Библиотекарь и журналист возвращают национальное сокровище России!»

– Ну, это тебе сенсации подавай... Мне-то от них, знаешь, ни холодно ни жарко...

– Зато ты станешь всемирно известна в своих узких библиотечных кругах.

– Положим, – вздохнула Надя. – И что ты мне предлагаешь делать?

– Да ничего особенного! И не лезь никуда! Присматривайся там, у себя, в «историчке-архивичке», к сотрудникам или, точнее, сотрудницам. У вас же там одно бабье работает, так ведь? Ну и погляди: раз какая-то женщина-девушка была наводчицей – значит, ей скорей всего за это заплатили, да? Значит, у нее деньжата завелись? Ну вот и посмотри: кто там у вас стал жить не по средствам.

– Ну, допустим, посмотрю. А дальше – что?

– А дальше: сообщай о своих подозрениях мне. За океан, в Степлтон. По электронной почте. А я твои донесения буду принимать к сведению и подвергать тщательному анализу. И – стану тебе, в свою очередь, о своих действиях отписывать по и-мэйлу... И мы с тобой, бог даст, восстановим всю цепочку от Москвы до Степлтона. И войдем в историю, как первые детективы-напарники, раскрывшие преступление с помощью электронной почты. Шерлок Холмс и доктор Ватсон двадцать первого века!..

– Мне, конечно, уготована роль доктора Ватсона, – слабо улыбнулась Надя.

– Нет! – горячо воскликнул Дима. – Ты – Шерлок, ты!.. И – Эркюль Пуаро в придачу!

– Хорошо, что не мисс Марпл, – усмехнулась Надежда. – Ну, ладно, постараюсь. Понаблюдаю за нашими.

– Давай, Мата Хари. Давай, Надюшка!

* * *

Домой Дима вернулся только во втором часу ночи. Пока посидели в клубешнике (Дима звал Надю вниз потанцевать – она наотрез отказалась)... Пока он, как истинный джентльмен, отвез девушку домой в ее Медведки... Пока дорулил по Кольцевой к себе в Орехово-Бори-

⁸ Подробнее об этом см.: Литвиновы А. и С. «Эксклюзивный грех».

сово... Думал по дороге: «Вернусь – сразу бухнусь спать». А поднялся в свою однокомнатную квартирку – спать расхотелось. И какая-то непреодолимая сила повлекла его к компьютеру.

Вставил дискету, переписал на жесткий диск биографию американской знаменитости. Отправился на кухню, заварил себе чаю. Вернулся к экрану – и открыл книгу о Поле Шеви на том самом месте, где остановился четыре часа назад.

...Итак, идет восемьдесят четвертый год. Героиня, Пола Шеви, – на паях со своим мужем Стивеном – полновластная руководительница компьютерной компании «Макфайер». Дело против нее по обвинению в преднамеренном убийстве негра-наркомана и в заговоре с целью убийства деверя, Джона Макфарлина, благополучно закрыто. Компания «Макфайер» растет. Объемы продаж за год увеличились еще в полтора раза и превысили (до уплаты налогов) отметку в сто миллионов долларов.

Дальше в книжке на двадцати страницах описывались маркетинговые приемы, которые применяла Пола, чтобы увеличить сбыт «личных компьютеров». Эту главу, наполненную незнакомыми английскими терминами, Дима благополучно пропустил, прихлебывая чай.

В восемьдесят восьмом году, когда компания «Макфайер» уже заняла небоскреб в сердце Силиконовой долины и на нее работало более тысячи специалистов, судьба Пола, читал Дима, сделала новый кульбит.

«Уже год как ходили слухи, – писал автор жизнеописания, – что отношения между Полой и ее мужем, фактическим владельцем «Макфайера» Стивеном Макфарлином, ухудшились. Они перестали где-либо появляться вместе. И в начале восемьдесят восьмого года Пола объявила о своем решении: она уходит с поста первого вице-президента компании в бессрочный отпуск. Создавалось впечатление, – говорилось в биографии, – что госпожа Шеви не слишком любит спокойную каждодневную работу – пусть даже в динамичной и быстрорастущей фирме. Ее стихия, утверждали репортеры даже серьезных финансовых изданий, – это кризисы и приключения.

Пола снова отправляется, – читал Дима дальше, – в поездку по Европе.

Путешествие затягивается. Она посещает Францию, Испанию, а также многие страны Восточного блока, только что избавившиеся от ига коммунистической тирании, – такие, как Румыния и Венгрия. Финансирует большие благотворительные программы для этих государств. Едет в Советский Союз и проводит в Москве, на родине своего деда, поручика Шевелева, более двух месяцев».

Последний факт Дима немедленно записал на свой диктофончик.

«Что ее так тянуло в Москву? – подумалось ему. – Ведь тогда, в конце восьмидесятых, у нас не то что ночных клубов – туалетной бумаги не было! Может, она что-то искала? Может, ее путешествия в Россию как-то связаны с нынешней кражей из библиотеки?.. Это надо взять на заметку. И обдумать...»

Дима закурил и снова обратился к экрану монитора.

«В то время, – продолжал автор биографии, – пока Пола путешествовала, на родине в США опять разразился скандал, связанный с ее именем. В один из погожих сентябрьских деньков папарацци из газеты «Глоб» сделал с арендованной моторки серию снимков. Объектив проницательного фотографа был нацелен на частный пляж на территории особняка Стивена Макфарлина под Сан-Франциско. Фото, снятые телеобъективом, запечатлели владельца особняка, мужа Пола, господина Макфарлина. Рядом с ним находилась «Мисс Апрель – 1988» журнала «Плейбой» Джуди Смит. Полное отсутствие одежды на фотографируемых, а также их позы не оставляли никаких сомнений в характере их взаимоотношений.

Снимки были опубликованы.

Корреспонденты бросились за комментариями к господину Макфарлину. Тот заперся в своем особняке и передавал через пресс-секретаря компании, что «комментариев не будет». Недостаток информации со стороны мужа-обманщика с лихвой компенсировала вторая

жертва удачливого фотокора – мисс Джуди Смит. Старлетка охотно раздавала интервью и позировала фотографам и телекамерам – уже, естественно, не обнаженной, но строго и дорого одетой. Из ее пространственных комментариев следовало, что отношения звезды «Плейбоя» с президентом компании «Макфаейр» длятся уже более пяти месяцев и являются «весьма близкими». Господин Макфарлин соблазнил-де несчастную Джуди после месяца настойчивых ухаживаний. Он подарил ей бриллиантовое кольцо, автомобиль «Порше» и яхту. Приглашал ее в лучшие рестораны Фриско и возил в Лас-Вегас и на Гавайи. И хотя она понимала, что поступает дурно, принимая ухаживания женатого мужчины (говорила, невинно хлопая глазками, звезда «Плейбоя»), настойчивость Стива заставила ее уступить. Тем более что он (говорила она потупясь) обещал мне «бросить эту мымру и жениться на мне».

В ту пору обманутая супруга мистера Макфарлина, Пола Шevi, как раз пребывала в Москве. Немногочисленные инокорреспонденты, аккредитованные в советской столице, кинулись за комментариями к ней. Та оказалась в отличие от своей счастливой соперницы немногословной. «Я немедленно начинаю бракоразводный процесс», – заявила госпожа Шevi.

Разговоры и домыслы вокруг скандального адюльтера не стихали еще как минимум пару недель. В числе объяснений случившегося, которые предлагала «желтая пресса», прозвучала следующая версия: дескать, Поле хотелось избавиться от Стивена Макфарлина в роли мужа, и она сама подложила «плейбойную» красотку под муженька, чтобы выглядеть в конфликте пострадавшей стороной. «Трудно устоять перед чарами большегрудой, длинноногой красотицы – особенно когда законная супруга в течение полугода находится от тебя на расстоянии десяти тысяч миль», – прощительно писал репортер «Глоб». И тут миссис Шevi, никогда не обижавшаяся на газетчиков и телевизионщиков, подала на «Глоб» в суд. После этого все публичные пересуды по поводу того, что мужнину измену подстроила сама Пола, немедленно прекратились».

Дима встал из-за стола, прошелся по комнате. «Ясен пень! – воскликнул он вслух. – Она, она своего муженька под шлюху подставила! Да любой мужик на его месте на других баб полез бы, когда его жена на год в Европы укатила!.. Ну и стерва она, эта Пола!..»

Полуянов закурил еще. Часы показывали половину третьего, но спать не хотелось, было интересно, чем же кончится скандал у Шevi-Макфарлинов.

«Прямо как Джекки Коллинз читаешь, – усмехнулся он про себя. – Или Гришэма с Шелдоном». И он продолжил чтение.

Пола вернулась в Штаты. Ее адвокаты начали переговоры с адвокатами господина Стивена Макфарлина. Цель была – урегулировать существующие между сторонами разногласия до суда, прийти к мировому соглашению. И на удивление всем относительно быстро, всего за каких-то три недели, соглашение было достигнуто.

Когда его огласили, оно прозвучало «настоящим раскатом грома», писал автор хроники. Конечно, все были уверены, что мистер Макфарлин заплатит Шevi отступные. Никто не сомневался, что отступные будут немалыми. Но чтобы такими!.. Новость о мировом соглашении в бракоразводном процессе Шevi-Макфарлин попала на первые полосы не только «желтых», но и деловых газет. Котировка акций компании «Макфаейр» на Нью-Йоркской фондовой бирже немедленно взлетела на восемнадцать пунктов. А все потому, что соглашение, к которому пришли адвокаты, оказалось невиданным, неслыханным, баснословным. В качестве компенсации за нанесенный моральный ущерб, а также алиментов, причитающихся госпоже Шevi, ее муж Стивен Макфарлин согласился передать ей одиннадцать процентов принадлежащих ему акций компании «Макфаейр»! Финансовые аналитики немедленно сосчитали: в переводе на наличные, исходя из последних котировок компании, компенсация составляла более ста миллионов долларов!! Стив Макфарлин платил сто миллионов за «пистон на стороне»!! Невиданно, неслыханно, невозможно!!!

Однако не только сама сумма отступных озадачила общественность. Именно одиннадцати процентов акций не хватало Поле для контроля над «Макфайером». И после того как мистер Макфарлин передал эти одиннадцать процентов своей бывшей супруге, он утратил контроль над созданной им компанией. В его руках оставалось лишь сорок девять процентов акций «Макфайера». Пятьдесят один процент, то есть контрольный пакет, переходил в руки Пола Шevi.

Корреспонденты «Уолл-стрит джорнэл» и «Файнэншл таймс», «Инкуайера» и «Глоба», «Вашингтон пост» и «Чикаго геральд трибюн» бросились за разъяснениями к Стивену и Поле. Но – без всякого успеха. Обоих словно след простыл. Не было ни того ни другого – ни в штаб-квартире «Макфаейра», ни в их доме в Силикон-Вэлли⁹, ни в злосчастном особняке под Фриско, ни в охотничьем домике в Монтане, ни в доме во Франции, на Лазурном берегу – нигде. Пресс-секретари обоих бывших супругов повторяли как попугаи: «No comments»¹⁰. Адвокаты обеих сторон заявляли честными голосами: «Мы более чем довольны достигнутым соглашением», и в дальнейшие разъяснения не пускались.

Прошло еще пару месяцев. Наступил восемьдесят девятый год. Бывшие супруги так и не появились на глаза общественности. Поговаривали, что их видели (разумеется, порознь) то в Южной Америке, то в Юго-Восточной Азии.

Компанией «Макфайер» управлял исполнительный директор. Акции ее потихоньку ползли вниз.

И вдруг...

На спешно созванной пресс-конференции в Нью-Йорке Пола Шevi, внезапно вынырнувшая из небытия, загорелая и посвежевшая, объявила: «Переговоры между компанией «Макфаейр» и ее бывшим конкурентом номер один – компанией «Эппл» – успешно завершены. Происходит самое крупное слияние в истории молодого компьютерного бизнеса. «Эппл» покупает «Макфайер» за один миллиард американских долларов. Бывшему мужу Пола Шevi, основателю компании Стивену Макфарлину предложен пост заместителя исполнительного директора компании «Эппл Макинтош» с годовым окладом два миллиона долларов.

Впоследствии, довольно скоро, мистер Макфарлин ушел из «Эппла» и основал собственную фирму, занимающуюся программным обеспечением. Вскоре она, впрочем, потерпела крах. Такая же судьба постигла и вторую, и третью компанию Стивена. И только образованная им в 1997 году фирма «Стив-софт» добилаься наконец коммерческого успеха. Сейчас в «Стив-софте» работает около полусотни высококвалифицированных математиков и программистов, а годовой объем продаж составляет около ста миллионов долларов. Стивен Макфарлин вторично не женился. На публике он практически не появляется, деля время между штаб-квартирой «Стив-софта» и своим любимым охотничьим домиком близ Миззулы, штат Монтана.

Сама же Пола Шevi после продажи «Макфайера» полностью отошла от дел и более никогда в компьютерный бизнес не возвращалась.

«Таким образом, – завершал главку американский биограф Шevi, – девочка, родившаяся в домике на колесах у отца-пьяницы и матери-посудомойки в огайском захолустье, стала тридцать один год спустя одной из самых богатых эсеницин Америки с капиталом более пяти-сот миллионов долларов наличными».

⁹ Силикон-Вэлли – Силиконовая долина. Место, где расположены штаб-квартиры многих высокотехнологичных американских компаний.

¹⁰ «Без комментариев» (англ.)

* * *

Чтобы не было искушения читать захватывающую документальную повесть дальше, Дима выключил компьютер. Часы показывали без пяти четыре утра.

Журналист разложил диван. Нырнул под одеяло. Глаза слипались. «Вот он, зловещий оскал развитого капитализма, – с привычной иронией подумал он. – Побеждают авантюристы и подлецы. Да, человек может к тридцати годам нарубить полмиллиарда зеленых. Но... Для этого ему надо сперва немножко поторговать собой, потом – организовать убийство близкого родственника и, наконец, подложить проститутку под собственного мужа...»

Но все-таки, когда он засыпал, в его душе появилось почти забытое, из детства, чувство. Чувство, что возникало, когда мама отрывала его от интересной книги, – и он, засыпая, предвкушал: а что там будет дальше? И фантазировал – что, и мечтал сам войти вовнутрь этой книжки, пережить ее приключения, сделаться ее героем...

Глава 4

В то же самое время – когда в Москве подходила к концу ночь – на другом краю планеты, над Тихоокеанским побережьем Соединенных Штатов Америки, над городом Степлтон еще вовсю светило солнце. День, без остатка прожитый в Европе, здесь только начинал клониться к вечеру.

Пола Шеви пила свой традиционный пятичасовой чай на собственном песчаном пляже на берегу залива Лонг-Бэй.

Она была счастлива. Удобное кресло, плед, перешепот волн, лениво накатывающих на берег... И солнце, что отражается в рыбьих спинках... За десять минут до ее чая секретарь Пьер выставлял на мелководье собственное изобретение, «пролонгированную кормушку». Кормушка выдавала по сто червячков в минуту, и рыбы – в их обществе тоже любили бесплатный корм – сплывались к особняку со всего залива. Это изобретение принесло Пьеру золотой портсигар, а Поле – искреннюю, почти детскую радость. Рыбки искрометно толкались подле кормушки, запах чая мешался с ароматами водорослей (Пола, в отличие от соседей, запрещала чистить свою часть залива), экономка бродила где-то в тылу, подмечая ее мельчайшие желания... Разве это не счастье? Разве здешние ее подруги, с рождения перекормленные роскошью, ее поймут? Разве они оценят ломтики авокадо, и тоненькие ананасные полоски, и кусочки недозрелых киви? (Пола предпочитала именно недозревшие, кислые, в магазинах такие не продавались, и Пьеру приходилось заказывать их прямо на ферме.)

В высшем обществе считалось *vulgar*¹¹ гордиться тем, что ты пьешь лучший чай в мире и твоя экономка – самая дорогая в штате Вашингтон. В кругу миссис Шеви богатство было чем-то естественным, и потому Пола никому, кроме психоаналитика, не признавалась, что счастлива видом на предвечерний залив, и удобнейшим шезлонгом, и чаем, поданным, как любил ее дед, без сахара и молока, крепким, и с пылу с жару...

Психоаналитик у Пола был новый. Предыдущего, Джоша, она убрала – из своей жизни, из Степлтона и из Ассоциации практикующих врачей. Джош, дурачок, облаченный полномочиями Гиппократов, осмелился толковать ей о морали. Комедия: какой-то врач решил ее поучить, изложить ей *моральный кодекс!*

«По какому девизу вы, Пола, живете? – Вы это знаете, Джош: „Делай, что нравится, и будь что будет!“ – Но Пола, как же тогда быть с теми, кому не нравится то, что нравится вам? Вы должны быть более милосердны...»

«Я никому ничего не должна», – отвечала она, улыбаясь. Джош не заметил, как глаза клиентки на секунду вспыхнули сталью. Дурачок доктор даже не понял, что заговорил на скользкую тему, даже не догадался, что Пола решила мгновенно и твердо: карьера психоаналитика – кончена. Степлтон – город Пола, и здесь нет места нулям, возмнившим себя мессиями. Пола Шеви прекрасно знала: врачу не под силу с ней воевать. Слишком разные весовые категории.

Пола уничтожила Джоша легко: пара исков от разгневанных пациенток, кокаин, найденный в бардачке автомобиля, газетное интервью с его первой женой: *«Годы, прожитые вместе с Джошем, я вспоминаю с ужасом и отвращением...»* О докторе, изгнанном из приличного общества, даже горевать было некому – его клиенток рвали на части другие, более сговорчивые, врачи.

Перечить Поле могла только экономка. Лишь она, Венера, могла уговорить хозяйку съесть натошак прописанную косметологом ложечку овсяной каши. Лишь ей разрешалось ворчать по поводу открытых платьев, спортивных машин и дураков-шоферов. Толстуха Венера обладала своеобразным чувством юмора – после каждой перепалки с хозяйкой шла к себе в

¹¹ Вульгарный (франц.)

кухню и старательно записывала в книжечку те эпитеты, которыми награждала ее Пола. Раз в год, в свой день рождения, экономка предъявляла хозяйке выписку из кондуита: «сука – 598 раз, стерва – 404, черная дура – 356...» Пола неизменно хохотала и выплачивала служанке по десять долларов за каждое нанесенное той оскорбление.

Только Венера осмелилась высказаться по поводу последнего увлечения миссис Шеви: «Этот парень – дешежка!»

Такое слово в устах экономки, самой дорогой во всем штате Вашингтон, звучало худшим из оскорблений.

Последним увлечением Пола был пепельный мальчик Андрэ – худощавый комок амбиций. Его безымянные тонкие пальцы обвивали татуировки-змейки. Андрэ носил фамилию Трубецкой, происходил из семьи русских эмигрантов второй волны и никогда не заказывал в ресторане устрицы. «Ты не любишь устрицы, Андрэ?» – «Я люблю только тебя, Пола...»

«Ему за устрицы – платить нечем», – рубила Венера, когда Андрэ уходил.

Пола только улыбалась.

Андрэ ненавидел море, но учился управлять яхтой. Андрэ изгонял из своих глаз ужас и занимался виндсерфингом. Он рано просыпался – чтобы бегать вместе с ней по утрам. Он не курил – потому что Пола ненавидела запах табачного дыма.

«Вы, миссис Пола, влюбились в ничтожество», – припечатывала Венера. Даже она, бедняга, не понимала...

Андрэ едва исполнилось тридцать. Исключительная внешность, роскошное тело и благородная фамилия. Лучший альфонс во всем Степлтоне. Говорит: «Я обожаю тебя, Пола!» – и его глаза смотрят почти искренне.

«Ты дурак, Андрэ! – думает Пола и просит: – Подойди ко мне... Ласкай меня здесь, еще, о боже, какой ты классный!»

Андрэ готовился к решительному разговору целый месяц. «Пола, милая, не могу без тебя! Хочу быть с тобой каждый день, все ночи, все утра, всю жизнь! Мы поженимся?»

Пола бросилась ему на шею: «Конечно, милый! Я скажу юристу, чтобы он подготовил брачный контракт».

Этим вечером Пола и старый юрист долго хохотали в кабинете миссис Шеви, а воспрявшая Венера таскала им ярко-голубой кюрасао в крошечных рюмочках. «Пола, какая же ты стерва!» – ласково приговаривал адвокат.

На следующий день Андрэ был отправлен контракт: «За право проживания в особняке «Бель Лэйк», принадлежащем госпоже Шеви, жених обязуется ежедневно подстригать все прилегающие к дому лужайки, а также мыть обе яхты и пирс... Жениху категорически запрещено даже заикаться о работе в принадлежащих миссис Шеви компаниях... В случае развода финансы невесты остаются в неприкосновенности, а жених выплачивает ей компенсацию в размере ста сорока тысяч семидесяти двух долларов».

Именно в эту сумму, как донесла финансовая разведка Пола, красавчик Андрэ оценил собственную внешность, когда заключал договор со страховой компанией.

– Зачем так жестоко? – спросил юрист, уходя.

Пола пожала плечами:

– Надоел...

Красавчика Андрэ подобрала вечная соперница Пола – лысая Шерри Пригс (за качественную пересадку волос та заплатила почти миллион, но Пола все равно звала ее лысой – и за глаза, и порой в глаза). Шерри в отличие от Пола, не афишировавшей связь с Андрэ, принялась таскать его с собой повсюду. Степлтон тут же заговорил о завоеванном ею пепельном красавчике. А «покинутая» Пола однажды даже услышала в свой адрес снисходительное: «Бедняжка!»

Но миссис Шеви хранила молчание, а роман Шерри и Андрэ ширился и креп. На следующий день после того, как парочка объявила о помолвке, папарацци завалили городские газеты снимками: *Андрэ* в чем мать родила в компании двух черных молодцев в недвусмысленных позах. И Андрэ, и его партнеры на фотографиях получились изумительно.

Добыть снимки из времен бурной юности Андрэ стоило Поле недешево – зато над Шерри потешался весь город, а Трубецкому пришлось бежать из Степлтона в двадцать четыре часа.

Долой еще один винтик, возмнивший себя божеством.

Пола иногда скучала по его жаркому телу и нервным пальцам и даже жалела, что Андрэ не машина, не робот: разрушил, дурак, все очарование секса своими идиотскими разговорами. Хотя зачем ей делить с Андрэ свой залив, и неспешные файв-о-клоки, и ослепительные на солнце вспышки рыбьих спинок?

«Отчего я так люблю воду?» – лениво думала Пола, шурясь на солнце и жадно вдыхая влажный воздух. Рыбья кормушка исправно работала, обнаглевшие рыбы уже объелись и двигались медленно и лениво. Над головой белыми стрелами носились чайки, возмущенно галдели, что не могут подобраться ближе к добыче – по утрам Пьер опрыскивал окрестность специальным составом: его запах отпугивал птиц. Так что рыбки могли безо всякого риска обжираться как им угодно.

Пола покончила с первой чашечкой чая. Съела фрукты. Рогалик швырнула в залив – рыбки с удовольствием слопали и его. Тут же появилась Венера, принялась наливать вторую чашку, проворчала: «Фу, как ваши селедки воняют! Велю поймать и зажарить».

– Попробуй, – широко улыбнулась Пола. – Хотя... мысль хорошая. Потуши к ужину стерлядь в белом вине. И артишоки.

– Гости?

– Нет. Только профессор. Проследи, кстати, чтоб он помылся. И дезодорант ему дай.

Венера дзынькнула чайной ложечкой – какая она все-таки неуклюжая, эта лучшая экономка штата Вашингтон!

Служанка, Пола знала, кормить профессора не любила – тот громко чавкал и собирал остатки соуса куском булочки.

– Да не стучи ты, зараза, – поморщилась от резкого звука Пола.

Венера промолчала и встревоженно взглянула на выставленный подле шезлонга термометр.

– Не сидите на солнце, веснушки вылезут, – велела она хозяйке.

– Уйди, калоша, – отмахнулась Пола. – Только пирожное мне еще принеси.

Служанка ретировалась. Пола знала, что первым делом карга побежит на кухню и запишет в свою книжечку две ругательные десятки.

Она оставила недопитый чай.

Пьер уже стоял рядом. Электронная записная книжка на изготовку. Пожирал хозяйку, как всегда, умильными, влюбленными глазами.

– Включай, – холодно кивнула ему Пола. – Записывай.

Ей предстоял интересный вечер.

* * *

Прошло пять дней.

Американское посольство выдало Диме визу с пугающей быстротой. Будь он шпиономаном, пожалуй, решил бы, что государственный департамент США тоже точит зубы на Полу и не против, чтоб госпожу Шеви на чем-нибудь да прихватили.

Но скорее всего визу без проблем организовал главный редактор. У того были обширные связи и в российском Министерстве иностранных дел, и в правительстве, и в Администрации президента...

Билет Марина Михайловна тоже достала журналисту мгновенно. Вот и получалось: уже в понедельник, семнадцатого марта, Диме предстояло лететь на другой край света, в Степлтон.

В десять утра по Москве вылетаешь – в десять утра по местному времени приземляешься. В тот же самый день. Тринадцать часов сберегаешь для дел.

Одно огорчало: тринадцать часов беспосадочного полета, и – жесткое табу на курение. Даже в самолетах нашенского Аэрофлота янки, ханжи несчастные, запретили курить. «Ну ничего, – думал Дима. – Пару лет назад я во Владик летал – девять часов без сигареты выдержал. Хотя тогда возникло искушение: забиться в туалет и вытянуть сигаретку. Многие мужики на борту тогда так и делали. Россия!.. «Строгость законов российских компенсируется необязательностью их исполнения...» А я, помнится, решил испытать себя – и выдержал. И протерпел девять часов без курева... А где девять часов – там и тринадцать. Накуплю себе жвачки и леденцов, кофе пить в самолете не буду...»

Провожал Диму его университетский приятель Сашка. Самолет улетал в десять – значит, в восемь утра надо быть в Шереметьеве. В семь – выезжать. А Санька – ранняя птичка. Натуральный жаворонок, без всяких самолетов в шесть встает. Кроме того, просить подвезти в аэропорт кого-то из редакции означало усиливать зависть к собственной персоне. Дима и без того (как прошел слух о его внеплановой, неожиданной загранкомандировке) стал ловить на себе завистливые взгляды.

Поутру домчались до Шереметьева на Сашкином «опельке» быстрее некуда. Саня провожать Диму до таможни не стал. Даром что получал полторы штуки «зеленых» в месяц – на дорожную шереметьевскую парковку тратиться не захотел.

Остановил машину у входа в зал отлета. Дима выгрузил из багажника вещи, снова открыл пассажирскую дверцу и на прощанье легко бросил сидевшему за рулем Сашке:

– Пока. Ты за Надей тут присмотри.

Саня вдруг набычился и серьезно произнес:

– Я бы присмотрел, да она... – запнулся, оборвал сам себя. Потом махнул рукой и так же хмуро закончил: – Ей ни до кого дела нет. Один ты, дурак, ей и нужен.

Сзади истерически забибикал джип.

Дима хлопнул дверцей.

Саня дал по газам – и был таков.

В прокуренном бестолковом зале, заполняя таможенную декларацию на высоком качающемся столике, Дима высадил две подряд прощальные сигареты. Быстро прошел таможню. Вещей у него с собой было – старая сумка да ноутбук.

С замиранием сердца перешел полустершуюся линию, означавшую государственную границу.

Миновал паспортный контроль, поспешил в «дьюти фри». Там купил по смешным беспошлинным ценам по литровой бутылке джина «Гордон» и виски «Ред лэйбл».

А спустя еще десять минут Дима сидел на борту «Ила-96-300» в кресле у окна.

Решил прикинуться спящим, чтоб соседи разговорами не доставали, – и неожиданно уснул. Уснул – как провалился. Проспал и взлет, и раздачу газет, и вина, и завтрака.

Очнулся разом, вдруг – точно из черного глухого ящика на арену цирка выпал. Гудели моторы. Всплакивал ребенок. Где-то сзади бубнили голоса: там, кажется, выпивали. Дима глянул в иллюминатор: под крыльями – ровное далекое поле облаков.

Посмотрел на часы: половина третьего по-московски. Ого! Значит, он проспал больше четырех часов, и они сейчас, верно, летят где-то над океаном. Сосед-толстяк спал, мониторы

под потолком показывали без звука «Бедную Сашу». Дима чувствовал себя неожиданно свежим, и даже курить не хотелось.

Он осторожно, чтоб не потревожить соседа, достал из-под сиденья ноутбук.

Последние дни Дима не возвращался к недочитанной им биографии Пола Шevi. А сейчас, на борту самолета, он вдруг почувствовал, что его отношение к ней изменилось. Еще пару дней назад эта женщина была для него кем-то вроде книжного персонажа: далекой, эфемерной, почти несуществующей. Но теперь – оттого, что он летел в город, где она жила, и потому что, возможно, приближалась встреча с ней, – Пола стала волновать его не как виртуальная героиня, но как реальная, из крови и плоти, женщина. И историю ее судьбы Дима теперь воспринимал не отвлеченно, а как историю человека, который лично ему знаком и даже чем-то дорог.

Дима включил ноутбук. Сиденья «Ильюшина» в эконом-классе не слишком располагали к работе на переносном компьютере. Угол ноутбука уперся в ногу спящего соседа. Тот обиженно замычал во сне. Стараясь не обращать ни на что внимания, Дима загрузил последнюю часть книги о Поле Шevi.

Он остановился на том, как она хитро подстроила развод с муженьком Стивеном Макфарлином и прибрала к рукам компанию, супругом придуманную и созданную. А после продала эту компанию злейшему ее конкуренту, «Эпплу». И на рубеже девяностых годов Пола Шevi осталась соломенной вдовушкой с капиталом в полмиллиарда долларов.

Что случилось с нею на протяжении последнего десятилетия? Диме отчего-то казалось, что много интересного. Такой уж у нее характер. Он погрузился в чтение – с того места, где остановился пять дней назад.

«...Пола Шevi никогда не баловала представителей масс-медиа вниманием, – продолжал автор документального бестселлера. – А в начале девяностых, удалившись от дел, она и вовсе стала недоступной для репортеров. Можно было ожидать от богатой, знаменитой и молодой дамы, что она станет посещать светские рауты, вечеринки и благотворительные балы. Пола могла бы оказаться на короткой ноге с кинозвездами, магнатами и особами королевской крови. Ей под силу было вновь продемонстрировать свои выдающиеся способности в управлении и маркетинге. Наконец, она, с ее капиталами и красотой, могла бы, как говорится, пуститься во все тяжкие... Однако от миссис Шevi репортеры и общественное мнение ничего подобного не дождались. Она совсем исчезла из поля зрения средств массовой информации. И чем она была занята первые три года девятого десятилетия, ходили слухи – и только.

Пола много путешествовала. Очевидцы видели ее то в Иерусалиме, то в Дублине, то в Милане, то в Москве...»

«Опять – в Москве! – воскликнул про себя Дима. – Да что ей наша Белокаменная – медом намазана?»

«...Причем Полу видели порой, – продолжил он чтение, – если верить очевидцам, одновременно в двух местах, отстоящих друг от друга на тысячи миль... Появлялись сплетни, что благосклонности госпожи Шevi добивались и наследный принц Монако, и великий автогонщик Айртон Сенна, и Мик Джаггер, и Арнольд Шварценеггер... Домыслы эти, однако, не подкреплялись ничем: ни заявлениями для прессы, ни интервью, ни фотографиями. По-видимому, только старая служанка Пола, афроамериканка Венера, и бессменный ее секретарь, француз Пьер, могли бы поведать о том, чем в действительности занимается их госпожа. Но они, естественно, хранили полное молчание».

Постепенно мир стал забывать о существовании блестящей «соломенной вдовы». И вот, в конце девяносто третьего года, а именно – двадцать первого ноября – произошло событие, которое вновь вознесло Полу Шevi на первые полосы американских газет. На специально созванной пресс-конференции в Степлтоне, штат Вашингтон, Пола Шevi – молодая, счастливая, веселая – неожиданно объявила: вчера произошла ее помолвка.

«С кем???» – единодушно выдохнули сотни корреспондентов, заполнивших зал для брифингов. Миллионерша выдержала паузу, скромно улыбаясь в телекамеры. Сверкание блицев от нацеленных на нее фотоаппаратов слилось в сплошное сияние. «Мне предложил руку и сердце мистер Руперт Вагнер», – застенчиво улыбнулась Пола. «О-о!» – единодушно выдохнул зал. Представители масс-медиа прекрасно знали это имя. Для большинства из них Вагнер был фигурой, подобной олимпийскому богу: все о нем слышали, все знали о его всемогуществе, но лишь ничтожные единицы удостоивались чести видеть магната. Мистер Руперт Вагнер владел в ту пору двадцатью тремя телестанциями и телеканалами и ста сорока газетами, рассредоточенными по всему земному шару от Мельбурна и до Нью-Йорка. Наряду с его тезкой Рупертом Мердоком, а также Тедом Тернером и европейцами Акселем Шпрингером и Сильвио Берлускони господин Вагнер являлся наиболее известным и состоятельным медиа-магнатом. Сумма активов, которыми он владел, исчислялась цифрой как минимум с девятью нулями.

И тут, сразу после заявления Полы, в зал вошел гость, которого здесь не ждали. То был мистер Руперт Вагнер собственной персоной – подтянутый пятидесятипятилетний господин в простой белой рубашке, джинсах, ковбойских сапогах и шляпе. Он подошел к стоящей на подиуме Поле и нежно взял ее за руку. Она прильнула к нему. Фотографы озарили зал бесчисленными блицами: каждый из репортеров понимал, что этот яркий кадр судьба, возможно, посылает ему в первый и последний раз. Когда ажиотаж, вызванный его появлением, слегка утих, мистер Вагнер потянулся к микрофону и коротко сказал со своим ужасным австралийским акцентом:

– Парни! Эта девчонка любит молоть чепуху. – И он ласково потрепал Полу по бедру. – Но сейчас она сказала суицидную правду. Она действительно поймала меня в свои сети. И я действительно иду вместе с ней к венцу.

– Когда? Когда? – донеслись выкрики из зала.

– Узнаете в свое время, – ухмыльнулся Руперт, поцеловал миссис Шеви в щеку, потрепал ее по попе и – неспешно покинул зал.

– Так когда свадьба? – закричали наперебой из зала оставшейся на сцене Поле.

– Седьмого января, – скромненько отвечала она.

– Где?

– В Нью-Йорке.

– Вопрос от «Уолл-стрит джорнэл»: будете ли вы, миссис Шеви, участвовать в бизнесе мистера Вагнера?

– Да, у меня есть такие планы.

– В качестве кого?

– Это пока секрет. Узнаете позже...»

Дима оторвался от электронной книги, глянул в иллюминатор. Самолет, казалось, находился на том же месте, что и полчаса назад. Внизу расстилалось то же ровное блеклое поле облаков. Захотелось курить, и Дима вытащил из кармана леденец.

«Как я, интересно знать, доберусь до этой красотки? – тревожно подумал Дима. – Да у нее, наверное, телохранителей больше, чем репортеров у нас в редакции!..»

Засунул леденец в рот и снова обратился к экрану.

Следующая глава жизнеописания Полы Шеви, пред-предпоследняя, называлась «Почти телемагнат». Она начиналась следующим пассажем:

«В конце того же, девяносто третьего года, мистер Вагнер и миссис Шеви объявили о своем совместном детище. Им должен стать, заявили молодожены, новый телевизионный канал И-би-си, или «Энтертеймент бродкастинг чэннел»¹². Очевидно, в пику господину Тернеру с его службой круглосуточных новостей со всего мира, супруги заявили, что канал будет

¹² «Развлекательный телевизионный канал».

посвящен одним лишь развлечениям. Развлечениям – и только, и рекламным девизом нового канала станут слова «Никаких новостей!»¹³

Далее автор книжки ударялся в описание будущего бизнеса миссис Шеви. Супруги – владельцы нового канала наняли лучших телевизионных менеджеров и промоутеров, продюсеров и режиссеров, сценаристов и ведущих...

«Пола, – продолжал автор, – не имела ни малейшего представления о том, как делают телевидение. Зато здравый смысл и жизненный опыт подсказали ей: какое телевидение смотрят. Смотрят в трейлерах, где живут сезонные рабочие. Смотрят в общежитиях колледжей и университетов. И в гостиницах, снимаемых менеджерами, «белыми воротничками». И – на кухнях богатых особняков, где полновластно хозяйничают наемные кухарки и горничные.

И Пола, со своим сверхъестественным чутьем, собиралась дать всем этим людям именно тот телевизионный продукт, который они хотят увидеть.

Тщательно организованные утечки в прессу извещали время от времени о планах Полы. Школьники и студенты, к примеру, должны были получить первое в Америке «реалити-шоу» под названием «Не отводя глаз»: трое юношей и трое девушек три месяца жили в общей квартире под постоянным прицелом сорока восьми видеокамер.

¹³ Намек на английскую пословицу: «No news – good news»: «Никаких новостей – лучшие новости».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.